

Полещук И.Н.

ВОЗМЕЗДИЕ
(столетнему юбилею ВЧК посвящается)

2017 г.

ББК 63.3 (2) 622
П 50

Полещук И.Н. «Возмездие»: – Нижневартовск: МУПП «Издательство Приобье», 2017, 92 с., илл.

ББК 63.3 (2) 622
П 50

© МУПП «Издательство Приобье»

Илья Николаевич родился в 1927 году в республике Казахстан. Участник Великой Отечественной войны. Награжден многими медалями, в том числе юбилейной медалью 65 годовщины Победы в Великой Отечественной войне государства Израиль.

Член содружества писателей города. Лауреат литературной премии им. К. Грановского, окружного значения. Член альманаха окружного значения, «Живая книга Самотлора» литературно-художественный сборник, Лауреат городских фестивалей «Мы молоды душой» за 2012 и 2014 года, Лауреат фестиваля округа Югра «Моя судьба – Югорский край», Почетный дипломант администрации города Нижневартовска «Общественное признание» за 2016 год. Награжден благодарственным письмом государственной думы РФ, фракции «Справедливая Россия», думой города Нижневартовска. Награжден почетной грамотой администрации города за активное участие в общественной жизни города и активное воспитание подрастающего поколения.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Шёл 1959 год. Я, начальник автоколонны, со своей колонной грузовых автомашин был направлен в командировку на вывоз зерна в Карагандинскую область, в совхоз Молодежный, расположенный в двух километрах от города. Так как администрация совхоза располагалась в городе, мне они сняли комнату в гостинице «Москва».

Однажды утром, я зашел в парикмахерскую гостиницы побриться. Работали два мастера. Места были заняты, пришлось занять очередь и ждать свое время. Один из мастеров, во время бритья клиента, перерезал ему горло до самого позвончика. Мы, как свидетели, были приглашены в городское отделение милиции для дачи показаний.

На второй день после происшествия я пришел в милицию, но мне сказали, что нужно подняться на третий этаж в кабинет 304. Когда я поднялся, увидел табличку «Комитет государственной безопасности по Карагандинской области». Меня пригласили пройти в кабинет. Я зашел, подошел к столу и обомлел. За столом сидел мой школьный товарищ Тулиголовец Саша, с которым мы вместе призывались в армию, только его, как знающего немецкий язык, оставили в Алма-Ата, а нас с Сережей отправили в Ташкент. Он тоже узнал меня. Вышел из-за стола, обнялись. Так мы с ним встретились через четырнадцать лет. Мы сели на диван, он был в звании майора. Поговорили немного. Узнав, что я в командировке и нахожусь в гостинице «Москва», пообещал прислать машину за мной, и вечером дома поговорим обстоятельно.

– А сейчас извини – работа!

Я купил букет цветов, бутылку коньяка. Часов в семь вечера в номер зашел человек, представился, что он от майора, мы выехали к нему. Я зашел к ним в квартиру и доложил:

– Товарищ майор, сержант Полещук прибыл по вашему приказанию!

– Вольно! – ответил он.

Стол уже был накрыт, значит, меня здесь ждали. Саша был в халате. Радостно обнял меня и представил своей хозяйке, которой я вручил букет цветов.

– Мария Васильевна, – представилась очаровательная женщина. – Можно просто Маша.

Сели за стол. Я достал коньяк, а Саша из буфета достал французское вино:

– Берег по случаю самой радостной встречи, и вот два детства встретились. Это самый радостный день для меня!

Покушали, поговорили о том о сем, чем я занимаюсь, где проходила моя служба, перешли в его кабинет и проговорили до трех часов утра. Он мне рассказал:

– Человек, которого зарезали в парикмахерской, был посланником бендеровцев. Он прибыл для вербовки украинской молодежи, прибывшей во время войны для диверсий и шпионажа. Во время войны был в концлагере, где находился и парикмахер. Бендеровец там зверствовал, расстреливал людей. Парикмахер его опознал и рассчитался с ним.

Этот очерк описан мною в книге «Бессмертие».

Я почти месяц проживал у них в квартире, места много и в гостиницу они меня не пустили. Было много воспоминаний о школе, о проказах в детстве. Он рассказал, что после того как его забрали в комитет госбезопасности, его отправили в Москву на четырехмесячные курсы в школу разведки. После окончания присвоили звание лейтенанта, направили в отдел внешней разведки, где проходил дальнейшее обучение. Некоторое время находился в партизанском отряде.

Я ему поведал, что тоже работал оперативным работником в МВД. После смерти И.В. Сталина в 1953 году, после моей демобилизации, по моему согласию был направлен в МВД, где проработал 4 года.

После окончания войны Саша был направлен следователем комитета госбезопасности Украины, где встретил Марию Васильевну, женился. Принимал участие в разоблачении «Лесных

братьев» в западной части Украины, в операциях по их задержанию. В 1953 году, получив звание капитана, был направлен в город Караганду, где проживало много украинцев эвакуированных в годы войны, куда бендеровцы направляли своих агентов. Погибший человек в парикмахерской был одним из резидентов, который привел к разоблачению уже завербованной молодежи среди украинцев.

В 1987 году трагически оборвалась жизнь подполковника, начальника следственного отдела комитета государственной безопасности по Карагандинской области Саши Тулеголовца в автомобильной катастрофе. Выхать на похороны я не смог.

Саша мне много рассказывал эпизодов о своей службе в органах контрразведки, и я решил, по случаю его трагической гибели в 1987 году, к тридцатилетию его гибели в 2017 году, а также к столетию создания органов ВЧК – 7-го декабря 1917 года, написать о нем еще один рассказ, хорошо мне запомнившийся.

Имена в рассказе вымышленные. Под фамилией Новоселов – значится Александр Васильевич Тулиголовец – следователь комитета госбезопасности по Карагандинской области.

Все события, описанные в повести, написаны по воспоминанию автора.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Часть первая

Артамонова никто не встречал, да и не давал он знать о своем приезде. Мордастый парень в растоптанных пимах, который ехал вместе с ним в вагоне, поднял руку в серой вязаной, поди матерью, варежке, крикнул прощально:

– Дядька Антон, пока! Надумаешь – приезжай!

– Нет, ребята, спасибо. К месту прибиваться надо, гнездо вить.

Соврал Антон, было гнездо, и сейчас есть. К нему и волочил по грязному снегу опавшие, общипанные крылышки. Врал без внутреннего признания, без вздоха в душе, а так, по давно въевшейся привычке. Немцам врал. Красноармейцам, которые из плена освободили, с три короба наворотил. На суде военного трибунала зашибал безбожно. В сибирском ИТЛ «лапти плел». И жене в письмах – семь верст до небес, и все лесом. Вот и этим намолол – за пазуху не уберешь: дескать вернулся с войны, а дома ни жены ни детей. Померли. С горя решил в Казахстан, в Караганду податься, спуститься под землю в шахту, остудить свою головушку.

Вранье, что дранье – того и гляди, руку занозишь. Да, видно, теперь такое у Артамонова – на всю жизнь. С правдой ему уже не по пути.

Покрутил головой, суетливыми глазами осмотрел привокзальный пустырь. Ни одной лошадки. На своих двоих значит придется... Не привыкать! Да и к лучшему: боязно на санях-то, вдруг знакомый возница окажется из Кошуков кто. Ведь как ушел в сорок первом, так и канул, словно в приисподню провалился. Вот и прилипнут, чего доброго, начнутся расспросы. А ему, Артамонову, расспросов-допросов довольно, под завязку наелся.

Где пешком, где шажком – куда как ладно. Катанки на ногах еще добрые, на пересыльном у желтогубого хмыря на поношенные ботинки выменял. Тот придачку просил, Антон вместо при-

дачи вопрос кинул: «А не хочешь под ребро?». Не захотел под ребро, отвязался... Бушлат крепкий, шапка хоть и на рыбьем меху, все же шапка – с ушами и тесемками. Ко всему прочему, морозец – так себе, будто не декабрь на дворе пятьдесят четвертого года.

Терзали настойчивые думы: как встретят дома, как жизнь налаживать после четырнадцатилетней отлучки? Крыша, поди, седлом. Перед войной шибко хотелось крышу дома новым тесом закрыть. Не успел, так и осталась дряхлая, мохом поросшая.

Ни овечки наверное, ни поросенка в хозяйстве. Таким семьям едва ли что перепадало из колхозной кассы. Соломы и то, поди жалели сволочи. От братьев помощи тоже не дождешься. Не то что свое письмо написать, уважить, с Настиными ни одного поклона не прислали, будто и нет его на белом свете... Израненными, но живыми вернулись с войны в сорок пятом ещё. На станции их, писала Настя, с медным оркестром встречали, начальники похвальные речи говорили... От замутненных мыслей сбивалось дыхание. Вошел в спертый воздух вокзального помещения – вроде посидеть, с духом собраться. На лавку не позарился, хотя и было где сесть. Устроился, как таракан, за печкой. Ещё не протапливали, холодная.

Тех, что с фронта, с музыкой значит встречали... Арестанский мозг Антона взял и родил чахлую мечту, пристроил его к тем, что со славой приехали. Будто он – прежний старшина, сапоги начищены, побрит, пилотка набекрень, на суконной гимнастерке медали позванивают, через руку двубортная комсоставская шинелька, в вещьмешке гостинцы для Любочки и Тони...

Какие они сейчас – детки его? В день призыва Любочке пять годков исполнилось, а Тоня ещё грудью кормилась. Выходит, старшей девятнадцать, невеста уже, меньшая к тому же подтягивается. Войду вот в дом. Твои или не твои? О, мать твою, жизнь проклятая...

Как встретят? С поклонами бы, с поцелуями – отец все же. А если тем, чем ворота запирают? Вымахали кобылицы...

Мысли, едва не увлажнившие глаза, стали закипать горючей злобой. Мишка с Ванькой, дядьки ихние, всякому могли научить, всякого наговорить против родого отца. Ишь ты, в медалях, с начальством за ручку здороваются... И Настя, стерва, ласковых писем не присылала. В чужих постелях, поди, ласку растрачивала. Дознаюсь – мясо с костями смешаю... Аж заколотило всего, как припадочного...

«Да где же она, сука толстозадая?» – взъярился на буфетчицу, виноватую перед ним, как и весь белый свет. Бешено вскочил, хотел громко стучать, греметь сапогами, но на ногах были отсыревшие валенки. Скользнул Антон на крашенных половицах и сразу сник. Все же прошел до буфета, для проверки дернул дверку за скобу. Дверь отворилась. Ждал за стойкой бара неимоверно отъевшуюся бабу, а тут – нате вам, мужик пол подметает. Левой рукой, правая – из чего-то сделана, так болтается.

– Чего рвешься? – здобоно спросил он. – Пожар, что ли?

Артамонов не стал отвечать, хотел дверь захлопнуть, но хозяин заведения сказал:

– Раз уже проник, входи.

Пристально посмотрел на Артамонова, едва заметно усмехнулся, опустил на колени, стал той же левой поджигать в голландке дрова, уложенные на просушку с вечера. Неживой рукой прижал коробок к ребрам, чиркнул спичкой. Растопка из подсохшей бересты взялась сразу.

Захотелось и Артамонову показаться фронтовиком. Поздоровавшись, спросил:

– На фронте руку-то?

Вставя с полу и оборачиваясь, буфетчик снова загадочно изогнул уголки губ:

– Там, язви её...

Ухмылка задела Артамонова.

– Такое увечье и не одной медальки, – поддел он.

– Негоже медали носить там, где водку жрут, и не тебе бы спрашивать... Из каких краев пожаловал? Со столь отдаленных?

«Сычь безлапый, насквозь видит», – испугался Артамонов пронизательности инвалида. И, как всякому струсившему, тут же захотелось угодливо повилить хвостиком. Буркнул сдержанно:

– Войны-то не меньше твоего видел. С Севера сейчас, на заработки ездил.

Буфетчик не стал спорить, вздохнул согласно:

– Так, конечно, так... Кто её, проклятую, не видел.

Он прошел в дверь за стойкой, там забренчал рукомошкой. Через какое-то время вышел в свежем халате, застегиваясь, спросил с прищуром:

– Деньжат на Севере зашибил, шампанское будешь спрашивать? Не водится. Коньяку тоже не держим.

Деньжат зашибил... Сволочь. Десять лет мантулил, а к расчету – девятьсот девяносто два рубля с копейками. На железную дорогу ещё двадцать семь целковых... На штаны с рубахой – не больше. Не только шампанского, водки не захочешь.

Двести граммов все же заказал. Конфет бы девченкам, да не видно их на ветрине, а у этого спрашивать...

Буфетчик неотрывно разглядывал Артамонова. Решил, что видимо не ошибся, спросил наконец:

– Что, Антон Николаевич, худо на сердце-то?

Артамонов вздрогнул, откинулся на спинку скрипучего стула, затрудненно выдавил:

– Окуда... Знаешь?

– Выходит не обознался, – буфетчик засмеялся удовлетворенно.

– Сам-то чей будешь? – спросил Артамонов.

– Знать ты и изменился порядочно... Вон облез весь, всё равно не обознался. А чей я – тебе ни к чему. Нам с тобой детей крестить не придется. Как добираться думаешь?

Артамонов пожал плечами. Буфетчик посоветовал:

– Пойди в райпотребсоюз, сегодня Кошуковскому сельмагу должны продукты завозить. Думаю не откажут. Продуктов там..., – пренебрежительно кивнул он протезом, – хватит и тебе места...

От магазина села Преображенского Антон Артамонов шел походкой одеревеневшего человека. Объяснил себе: «Сильно промерз». Но причина была совсем в ином. Котомку нес в опущенной руке, в ней побулькивала поллитровка. Сначала-то продавщица не хотела давать, некогда, дескать, товар принимать надо, но ей кто-то шепнул, и она, охнув, тут же обслужила необычного покупателя. Взял Антон и палку колбасы.

Шел домой серединкой улицы, не таясь прохожих. Вон и пятистенок его виден, который чуть ли не зубами вырвал у братьев после смерти родителей. От калитки до дороги снег убран. Неужели кто-то опередил потребсоюзные дровни, сообщил о нем, и девочки, а может и сама Настя поспешила расчистить дорожку любимому человеку? Мало верилось в это. Просто живут по-людски, за порядком следят, без него управляют.

И опять притаившаяся злоба привычно сдавила горло. Все без него могут, даже удобней без него, лучше. Нет не просела крыша, на ней снежная островерховая шапка, из трубы вьется дымок.

Жену узнал сразу, хотя жили вместе в два раза меньше, чем врозь. Ворохнулось в жалости остудненное, черствое сердце: «До чего же постарела!». На стульчике сидит девушка, чистит картошку. Опустила нож, лицом меняется, похоже догадка явилась – смутная пока, но догадка: кому ещё быть в образе этого небритого мужика, всех в деревне от мала до велика знает. Покосилась на мать, и всякое сомнение пропало. Отец заявился! Тот, которому утаенный от матери рубль посылала.

Загремел упавший хват, женщина замерла опустошенно и безвольно, не зная, что делать в таких случаях. Кинуться на шею, осыпать поцелуями, как четырнадцать лет назад возле вонкомата?

Много раз бессонными ночами придумывала каждое движение, чтобы всего в меру: и горя, и радости, и упрека за изломанную жизнь. Сейчас все из головы вылетело, только и простонала чуть дыша:

– Приехал...

После этого будто вроде отпустили какие-то удавки, приблизилась, приникла седой головой к бушлату, пропахшему холодным северным дымком, залилась в три ручья. Как хошь, так и понимай эти слезы.

У Антона, как ни странно, а может и напротив – по логике вещей его поганой жизни – мелькнула в голове успокаивающая мысль: «Ничего у неё и ни с кем не было, кто на такую позарится...».

Подождал, пока успокоится, обнял и положил свой вещевой мешок на стульчик рядом с девушкой. Лицо у девушки чистое, даже красивое... Любочка или Тонечка? Любе шестнадцать... Тоня это, не иначе, но по имени назвать воздержался. Прохрипел перехваченным горлом: «До-чень-ка». Протянул руку погладил по мягким промытым волосам. Не отпрянула, не отклонила голову. Когда стал скидывать бушлат и валенки, Тоня подхватила, накинула шубейку – и за дверь.

Анастасия Петровна вытянула из печки чугунок с кипятком, натеплила воду в рукомойнике.

– Развалилась банька-то наша. К Михаилу сходишь, топить собираются. Обмойся пока с дороги-то.

Полезла в сундук, обитый некогда полосками жести. На крышке жестянок не было, без него сняли красоту эту. Видно цепляться стали за неё. Антон уткнулся взглядом – что там? А что могло там быть? Тряпье какое-то. Из доброго лишь девичьи платья приметил, да давнюю скатерть – приданое Насти.

Из под самого низу достала пару мужского белья. Встряхнула рубашу, распяла её в руках, осмотрела – нет ли какого изъяна.

«Сохранила, ждала все же», – мелькнула у Антона мысль, но мысль эта не вызвала ни радости ни теплоты к жене.

– Бельё-то после, как попаришься, а сейчас вот эту надень, – отложила сатиновую рубашку с заплатами на локтях. – Михаил с Иваном должны подойти.

Хотела, как в давнее время, обмыть мужу спину, но оробела. Отвыкла от вида мужского тела, от прикосновений к нему.

Да и на мужнелом крепком и мускулистом, давно забытом теле ещё и страсти такие, что ноги от слабости подогнулись. Чисто индеец! На груди орел, будто чернилами нарисованный, выше локтя – голая баба в обнимку с голым мужиком. Вокруг пупка солнце изображено. Другая рука тоже в картинках и надписях... Спросила в спину:

– Наколки-то там что ли, в тюрьме?

– В тюрьме... Нет, не в тюрьме, на вольной волюшке. Были и там художники с блатным образованием. Но отмолчался.

Настасья Петровна удрученно покачала головой:

– Срамотища. На людях раздеваться грешно будет.

– Заткнись, – коротко распорядился Антон.

Поискала мужу бритву, помазок. Все там же на божнице. Как до войны. Ворох лет махнул, а на тебе...

Побрился, сидел за столом в красном углу, поглаживал на-трудненными негнушцими пальцами памятную со свадьбы ска-терть, рассказывал нескладно, с пятого на десятое. А Настасья Петровна слазила в нижний погребец, достала огурцов, капу-сты, вторым заходом – кастрюлю, натолканную чесночно пахну-щей свиной солониной. Продолжала слушать, мало понимая из того, что ей говорили. Антон догадался, примолк. После отчуж-денной паузы сам спросил:

– Как жили-то?

– Как жили – писала.

– Не притесняли?

– Пряниками не кормили, а притеснять меня и девчонок не за что, мы не виноватые. Власть понимала, советская все же.

Бухнула в сених промерзшая дверь, напуская хлод, открылась избенная. В клубах пара показалась Тоня, за ней рослая красно-щекая, силой налитая Люба. В валенках, стеганом ватнике. Не раздеваясь подошла к столу, неопределенно улыбаясь, протянула руку:

– Ну, здравствуй, отец. С приездом тебя в родные края. Замо-лил грехи или ещё остались какие?

Паршивка развязаная, энкэвэде в юбке. Ишь, глазищами режет. И сильная, как мужик, холера. Сдавила руку, аж пальцы слиплись. Наверное у всех доярок такие ручища.

Тоня, прислонясь к косяку, следила робкими глазами. Люба подошла к столу, вытащили из-за пазухи бутылку и с лихим пристуком поставила на стол.

– На ферме подменят меня, – переодеваясь, говорила из другой комнаты, – а мы пировать будем. На радостях-то и я дербализну. Вскоре, извещённый племянницей, поскрипывая протезом, вошел Михаил. Он старше Антона на восемь лет. Сказал всем «здравствуйте», разделся и тогда уже подошел к столу. Сообщил, что Иван в конторе неотложное решает, скоро подойдет. Протиснулся вдоль скамейки, сел рядом с насупленным Антоном, не ворохнувшись с его приходом. Ни объятий, ни поцелуев. Но руку Антону подал, спросил о здоровье, и о том, не забыл ли держать в руках топор.

Нет, не забыл Антон, в сибирском ИТЛ ещё больше набрался опыта.

– Вот и ладно, – заключил Михаил. Работы невпроворот.

Ивана все не было, молчанка в доме стала тягостной. Налили по стакашку, Михаил сказал Антону:

– Детсад расширяем, к школе пристрой делаем. И пошутил как мог: – Рожают и рожают бабы. Мужиков в деревне – кот наплакал, а тут даже вдовы рожают. От военных зачатий наверное. Пойдешь ко мне в бригаду?

Антон сидел хмурым, глазами ни с кем не встречался, даже с женой. Михаил продолжал думать о своём, исправил сказанное:

– Что спрашивать – пойдешь или не пойдешь, все равно тебя больше никто не возьмет. На бригадах одни фронтовики.

У Антона набугрились скулы, тягуче молчал.

– Выходит, только ты мне можешь дать работу? По-родственному, по благу? Так? А я к тебе не пойду, пошлю по дальше. Понял?

– А куда ты денешься? – холодно и спокойно отразил Михаил.

Сейчас Антон жестоко, враждебно смотрел брату прямо в глаза. В сию минуту Антон Артамонов был таким, каким бывал в обществе господина Ковалева, в той жизни, о которой никому не следует знать. Надо врать, врать и врать даже в гробу, иначе выкинут оттуда и на помойке зарюют.

С усилием избавился от навождения, тяжело дыша, ответил на вопрос брата:

– Найду, куда деться. – Вынул из под стола кулачища, сжимая и разжимая их, сказал: – Вот это и в городе понадобится.

– Вон что! В город собрался, – продолжал хладнокровно колоть его Михаил. – Ждут тебя там, все глаза разглядели. Будешь жить там, где укажет милиция, да еще присматривать за тобой будут.

– В городе милиции поболе, пусть присматривают, коли охота.

Михаил глядел на него, напрасно хотел найти в себе давние из детства чувства жалости к младшему брату, но не находил. Оказывается, есть такое, от чего перегорают и кровные нити.

– Рассказал бы, как у тебя все это, – примерительно попросил Михаил.

Антон налил стакашик оставшейся водки из бутылки и молча выпил в одиночку.

– Как, как... Закакал...

И вдруг, обожженный страхом, метнул настороженный взгляд на Михаила. Тот, увлеченный своим стакашком, не заметил странного сполоха. Заметила, измятая страданием, Настасья Петровна, и это необъяснимое состояние мужа принудило её ужаться.

В причине током ударившего страха не сразу разобрался и сам Антон. От слов, самым произнесенных, в глубине сознания сработала какая-то защелка, как от близкого взрыва унизительно похолодело под ложечкой, тело покрылось противным липким потом. «Как, как... Закакал...», – не его эти слова. Давным-давно сказал их другой человек, сказал ему, Антону Артамонову. Именно в те дни, когда началось то, о чем спрашивает сейчас брат Михаил.

Артамонов шумно выдохнул, задержанный в груди, воздух. Переборов подступившую на короткое время слабость, прохрипел:

– Так вот и было... Ранило тяжело. Взяли... Лагерь за лагерем. К генералу Власову уже потом, в сорок пятом... Думал, подкормлюсь – и сбегу...

– Это, Николаевич, я тебе рассказал только беседу с родственниками и самим Артамоновым Антоном. А основное еще впереди. Давай, пойдем отдыхать, утро вечера мудренее. Во второй вечер беседа у нас продолжалась. И так почти весь месяц, что я находился у них, мы вечерами продолжали вспоминать наш промежуток жизни после призыва в армию. Я ему рассказывал про свои похождения по жизни, о том, что у меня уже есть два сына, хорошая жена, и жизнью доволен. А дальше получилось вот что.

В дальнейшем рассказы написаны из воспоминаний Саши Тулиголовца в честь тридцатилетия трагической гибели, его гибели, из рассказов моего отца чекиста в честь его восьмидесятилетия трагической гибели, и в честь столетия создания ВЧК – 7 декабря 1917 года.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Часть вторая

1955 год, февраль месяц. В комитет госбезопасности пришла ориентировка: «Управление Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР по Карагандинской области генерал-майору Ильину П.Н.».

«12 января 1955 года недалеко от села Кахабери, Батумского района Аджарской АССР, при попытке уйти за рубеж, нарядом пограничной заставы задержан некий Сомов, 1935 года рождения. На изъятом у него листке бумаги обнаружена запись: «Тарбазон. Сибирские пельмени. Артын Прохору». На допросе по поводу этой записки Сомов показал, что в случае успешного перехода границы, он должен явиться в корчму «Сибирские пельмени» в порту Тарбазона, спросить Прохора (Караваява Прохора Саватеевича). Последний, со слов задержанного, – уроженец города Верхняя Тывда, Свердловской области. По полученным нами сведениям, Караваяев в прошлом – капитан Красной Армии, в июне 1941 года добровольно перешел на сторону гитлеровцев, служил на командных должностях в 621-м карательном казачьем батальоне германских вооруженных сил. В 1946 году из американского лагеря военнопленных отбыл в США. Обстоятельства его появления в турецком портовом городе пока не выяснены. Сомов показал так же, что за совершенное им преступление (воровство) он отбывал наказание в Чунском ИТЛ совместно с Артамоновым, который освобожден в декабре прошлого года, выехал в Карагандинскую область. В случае подтверждения показаний Сомова в этой части, прошу организовать необходимую проверку Артамонова и, о полученных данных, поставить нас в известность.

Председатель КГБ при Совете Министров Аджарской АССР подполковник Т. Чоквани».

На ориентировке написана резолюция: подполковнику Дальнову П.Н. «Проверить, составить план мероприятий и доложить. Ильин».

Павел Никифорович позвонил в районное отделение милиции и узнал, что Артамонов Антон Николаевич 1911 года рождения отбывал наказание в сибирском трудовом лагере. Освободился в декабре 1954 года. Живет в селе Преображенское, работает в колхозе плотником. Пытался устроиться работать в городе, ему органы не разрешили. Замечаний за ним никаких нет.

Проанализировав все это, Павел Никифорович снял трубку и позвонил:

– Саша, зайди...

Саша – это следователь, капитан Новоселов. Новоселов зайдя доложил о своем прибытии и с усмешкой спросил:

– Что, труба зовет?

Павел Никифорович потряс бумагой:

– Похоже наш Артамонов сверкнул с другой стороны, – подал ему присланную ориентировку.

Новоселов, прочитав ориентировку и вникнув в содержание, со вздохом сказал:

– Труба зовет... Надо понимать – меня зовет? А как же с Яшкой Тимониным?

– Думаешь другому велю передать? Не дожدهшься. Не велика фигура – Яшка Тимонин, в прицепе вытянешь. И пожалуйста, в кратчайшие сроки, составь план мероприятий о детальной проверке ориентировки. В помощь можешь взять старшего лейтенанта Кольцова. Он хороший оперативник. Все, действуй!

Через некоторое время Новоселов зашел к Дальнову, показал план мероприятий. Дальнов подал исписанный листок бумаги Новоселову и сказал:

– Вот, для быстроты сыскания. Дело получи в канцелярии внизу, – и подал ему разрешение на ознакомление с делом.

Получив в канцелярии дело и, бегло ознакомившись с ним, Новоселов зашел к Дальнову.

– В Верхнюю Тавду когда прикажете? – спросил Новоселов.

– Там и без тебя есть кому, – ответил Дальнов.

Хотел сказать, что Саше предстоят другие поездки – неблизкие, но не стал забегать вперед, пусть не отвлекаясь, посидит над бумагами.

– Не спугнут? – спросил Новоселов, имея ввиду товарищей из районного отдела КГБ.

– Артамонова трогать не будем. Плотничает в колхозе, ну и пусть плотничает. Вникни в каждую строчку, в каждое слово, – и Дальнов выложил то, что считал важным: – Поищи, не упоминали ли Артамонов «турецкого подданного Караваева»? Не верится мне, что он столь долгое время был военнопленным. Сдается, их дорожки сходились где-то еще до вступления Артамонова в РОА... У армейской контрразведки дел тогда было до чертиков, могли и упустить кое-что. Так что, между строк читай... Надеюсь некоторые уточнения по Караваеву получить из центра, хотя бы о шестьсот двадцать первом карательном казачьем батальоне, в котором этот самый Караваев служил. Выясним, где батальон дислоцировался, вот тогда и поедешь. А пока, изучи все у нас возможное по Артамонову. Все, свободен!

Саша Новоселов не прикасался к делу Артамонова до второй половины дня – занимался тем, что начал с утра.

...Придвинув артамоновское дело, откинул обложку. Надо было вникнуть в то, что сделано «Смершем» 12 армии в те далекие дни.

«Смерш» докладывал, что 16 мая 1945 года в городе Свирель (Австрии), в лагере для немецких военнопленных, было произведено задержание командира роты власовской армии Артамонова Антона Николаевича и ещё двоих изменников Родины:

«Артамонов А.Н., являясь старшиной батареи 247-й Уральской стрелковой дивизии, 10 октября 1941 года в районе Вязьмы попал в плен к немцам. Находясь в лагере военнопленных № 12, Артамонов 20 января 1945 года добровольно вступает в РОА – в так называемую русскую освободительную армию изменника Власова, откуда был послан для обучения в диверсионно-разве-

дывательную школу, для последующей заброски в тыл Красной Армии. Обучался до февраля 1945 года».

В январе, значит, вступил в РОА, до марта – курсант-диверсант, после Красной Армии, в чине командира роты «русской освободительной армии». Любопытно... И какая-то неувязочка. Смущает не только путаница со школой и РОА. Диверсионно-разведывательная школа, надо полагать, одно из подразделений армии Власова. А если этот Артамонов – пенек пеньком, то могли и отчислить, отправить в штрафную часть. Тогда возникает ещё один резонный вопрос, для учебы не пригоден, а как в строй – сразу командир роты? Что-то не то и не так.

Посмотрим дальше. Второго июня следователь «Смерша» спрашивал Артамонова:

– В каких лагерях находились и чем занимались?

– Когда выходили из окружения, я был ранен и попал в плен. Лечился в Смоленском лагере до октября 1941 года, затем был отправлен в Минский лесной лагерь для заготовки топлива.

Артамонов показывал дальше:

– В сентябре 1944 года, в числе полутора тысяч военнопленных, привезли нас в центральный лагерь в Саксонию, оттуда в лесной лагерь № 10, недалеко от города Гальшиц в Чехословакию.

В прежних показаниях все же проглянулось кое-что. Артамонов три года заготовливал дрова. Так ли? Минский лагерь – пересыльный, через него много прошло военнопленных. Как ты ухитрился столько времени в нем удержаться? Может и не топливо заготовливал, а присматривал, как заготовливают? Надо проверить. Сложно, но нужно, что я в конце концов и сделаю. Обязательно сделаю. Уж очень хочется знать, где ты побратался с Караваевым.

– В конце сорок пятого, – поясняет Артамонов, – не помню точно, но, кажется двадцатого числа, в наш лагерь приехал пропагандист из штаба РОА. Вроде бы Таранец по фамилии. Он был в немецкой форме с узкими погончиками, со знаками лейтенанта. Немецкий фельдфебель из комендатуры лагеря построил всех

военнопленных. Набралось человек четыреста. Таранец начал говорить: «У вас одна дорога для спасения жизни – поступить в русскую освободительную армию. Если не поступите, сдохните с голоду в лагере».

– Вы знали, что Красная Армия бьет врага на его территории? – задает вопрос следователь.

– Да, знал.

– И верил в сказку в победу над большевиками?

– Я был истощен, все время хотелось есть. Мне не хотелось подыхать голодной смертью. Я надеялся в первом же бою перейти на сторону Красной Армии. Поверьте мне.

– Сколько вышло тогда военнопленных, чтобы записаться?

– Человек двадцать, не больше.

Новоселов отодвинул папку и посмотрел на часы. Ого, уже двенадцать ночи, к черту. Пойду спать.

Прийдя на работу во второй день, Новоселов вновь стал вникать в дело Артамонова. Я все время, пока шел на работу, думал над тем, чем закончилась вербовка в РОА. Так как, за кусок хлеба и колбасы двадцать человек решили быть изменниками? Кто они? А остальные триста человек решили умереть, чем быть изменниками. Открыв дело, я стал искать беседу следователя с Артамоновым.

Следователь Чернов стал задавать вопросы Артамонову:

– Расскажите по подробней, при каких обстоятельствах вы поступили в разведывательно-диверсионную школу?

Судя по реакции Артамонова, такого вопроса он не ожидал. Во всяком случае, не был готов к объяснению: «Вы про что? Про какую диверсионную? Никакой школы не знаю».

– Врете, Артамонов, на каждом шагу врете. Врете, и тут же просите верить вам. Видите, что получается: вступили в РОА, чтобы перейти на сторону Красной Армии, а переходите во вражескую школу шпионов и диверсантов...

Артамонов, понятно, решил стоять на своем: «В чем виновен – в том виноват, служил у Власова, поступил к нему с голодухи. А про школу впервые слышу...»

– Вам что-нибудь говорит фамилия Севостьянов?

Саша представил, как ошарашенный Артамонов на какое-то время прикусил язык, но опомнившись, продолжал запирается:

– Какой Севостьянов? Впервые слышу.

– Опять за свое?

Севостьянов был у Артамонова командиром отделения, к тому же из одного взвода. Взвода подрывников.

На все эти вопросы придется искать ответы самому. Саша вложил в дело закладку и решил поразмышлять.

Значит так, размышлял он, в Австрии и Чехословакии была размещена вся дивизия Власова. Мог среди этой братии оказаться Севостьянов. Не исключено. Не отсюда ли сведения о нем у армейского следователя?

Саша вернулся к столу, открыл дело и стал искать подтверждения своей догадки. Нет, не угадал. Оказывается, ещё в марте месяце 1945 года в тыл 45 армии были заброшены два парашютиста в форме офицеров Красной Армии. Парашютистов захватили во время приземления. Один начал отстреливаться и был уничтожен. Другой предъявил удостоверение на имя Севостьянова, и был задержан. Надеясь на снисходительность советской контрразведки, Севостьянов рассказал, что закончил курсы подрывников при унтер-офицерской школе РОА и выложил все, что знал об этой школе. Среди известных ему лиц назвал и Артамонова.

Фамилия Севостьянова ни о чем не говорила Артамонову до тех пор, пока не прочитали ему протокол допроса Севостьянова.

Изучая архивно-следственное дело Артамонова, Саша рассуждал: «Допустим, что старшина артбатареи Артамонов во время боя в окружении был ранен. Допустим, что до декабря 1944 года лечился. А потом? Минский пересыльный лагерь? Аж по сентябрь месяц сорок четвертого? Хотя нет, меньше. Вот ещё уточняющие показания «В лесном лагере пробыл до февраля сорок четвертого. В феврале заболел от истощения, и отправили на лечение в госпиталь при этом же лагере». Скажи пожалуйста, какая забота о полуживом военнопленном?! Таких обычно в газ

машине или расстреливают. С февраля по сентябрь... Шесть месяцев возились с тобой, здоровье твое поправляли... Ох и пудрил ты мозги армейским следователям, Артамонов! Не было времени у армейских следователей детально разбираться, не углядели они в твоём деле прорех в твоей биографии. Как же мне залатать эти прорехи? Лесную жизнь длиною в два года, когда немецкие врачи за твою жизнь волновались? Короваев, который сейчас в Туретчине, не был ли в лесном лагере?»

Кондрат Караваев в то время карателями командовал, за советскими партизанами охотился. Не с тобой ли вместе Артамонов? Как мне узнать? Может у тебя спросить? Спрошу, а ты мне кукишь. Да, если и скажешь, что мне толку? Суду не признания нужны – факты. Вот соберу их, тогда ты хоть признавайся, хоть не признавайся...

Фактов пока нет. Есть предположения, догадки. Но, прокладывая дорогу к фактам, без них тоже не обойтись. Так где же начало этого пути? В ответе на запрос о 621 карательном батальоне? Но надо ещё послать этот запрос. Куда? Где действовал этот карательный? На Украине, на Смоленщине, в Белоруссии? Где? Допустим, что подполковник Дальнов кое-что выяснит в центре, запрос напишем. И что? Сложив руки ждать ответа? Или, пока ждать ответа, махнуть в Батуми с мальчиком Сомовым побеседовать?

Не сказал ли ты, Артамонов, этому Сомову, какому теперь хозяину Караваев служит? Вероятнее всего – нет, не сказал. Но откуда тебе знать о Караваеве, ты срок отбывал?

Саша сидел, подперев кулаком подбородок, морща лоб, заваливая себя вопросами. И каждой клеточкой мозга, даже каждой клеточкой длинного, мускулистого, натренированного тела ощущал все нарастающую тяжесть этих вопросов.

Выпутываясь из нагроможденных проблем, Новоселов ухватился за неплохую идею – не взять ли выходной в поисках фактов, сделать запрос в сибирской ИТЛ, где власовец Артамонов и желторотый нарушитель границы рядом на лесоповале труди-

лись. Не в Батуми, пожалуй, надо прежде всего ехать, а туда, в лагерь. Не с одним же Сомовым Артамонов общался? Можно бы, конечно, сотрудникам оперчасти поручить. Нет, лучше самому. Новоселов зафиксировал эту мысль в рабочей тетради и снова уткнулся в протоколы допроса десятилетней давности. В чем-чем, а в летописи следователя «Смерш» не откажешь. Вон, его уже не только Артамонов интересует: «Назовите известных вам официальных работников диверсионно-разведывательной школы РОА и её курсантов».

Память Артамонова ещё не затуманилась, он выкладывает: «Мелетский, преподавал картографию...»

– Имя, отчество и возраст?

– Знаю только фамилию, лет двадцать шесть-семь. Уже забрасывался в тыл Красной Армии. За выполнение задания имел медаль для восточных народов...

– Приметы?

– Высокий, узкоплечий... Да, еще у него один глаз поддергивался... Старший фельдфебель Малышкин, эмигрант. Под пятьдесят ему. Преподавал политику... Сашка Витовский, слышал, что в Красной Армии был десантником. Учил нас, как обращаться с парашютом, прыгать с самолета...

– Приходилось прыгать?

– Мне нет. Меня срочно отчислили за драку с немецким солдатом.

– Продолжайте.

– Подрывное дело преподавали двое – Алексеев, его кажется Николаем звали, и немец, фамилию – язык сломаешь, не запомнил. Командиром отделения в подрывном взводе был Подколзунный, но о нем вы все знаете.

Двадцать семь человек назвал Артамонов.

– Больше никого не помню.

В этой части расследования никаких провалов вроде нет. Надо полагать, армейская контрразведка не оставила бы без внимания артамоновских однокашников, дотянулись бы и до них, не оста-

вили бы перед военным трибуналом. Только вот с Ковалевым ничего не получилось. Где же, и когда пересекся его путь с кривой дорожкой Артамонова? Вообще его не было в школе, или Атрамонов, по каким-то для него причинам, не называет Ковалева? Не называет его, но без опаски называет других обучавшихся. Выходит, не боится, что они смогут выдать его. Диверсант-парашютист тоже не упоминал о Ковалеве.

Где же сошлись дорожки Артамонова и Ковалева? Вопрос первостепенной важности, с него будет начинаться и заканчиваться рабочий день Саши Новоселова, не исключено, что будет преследовать и во сне. А пока – вперед. Сидя в кабинете, я больше не смогу ничего узнать. Надо выезжать на место задержания Сомова и в Белоруссию, в Смоленскую область.

Управление Карагандинского областного комитета госбезопасности командировку санкционировало и дало добро на выезд следователя Новоселова.

Саша Новоселов встретился с Сомовым в камере допросов внутренней тюрьмы. Приличного роста, большелобый и далеко не слабый физически Петя Сомов со своими расстроенными глазами походил больше на удравшего с уроков мальчишку. Увидев нового появившегося, который, надо полагать, собирается тоже его допрашивать, он близоруко моргал, теребя пуговицу.

– Садись, Сомов, – пригласил Новоселов.

Парень поспешил плюхнуться на табурет, мертво прикрепленный к полу. Задержав взгляд на акте об изъятии личных вещей арестованного, Новоселов сказал:

– Слушай, Сомов, при обыске изъят паспорт, записная книжка, ключи, расческа, копия квитанции о наложении штрафа за безбилетный проезд по железной дороге, два обрывка наждачной бумаги, листок с адресами, пятьдесят копеек деньгами... Куда же с таким богатством думал попасть, Петя? Ах, да, в Турцию. А зачем, если не секрет?

Сомов слушал, улыбался, но на замечание о богатстве буркнул:

– Что есть, с тем и шел.

– Это не все, Петя. Пойдем дальше. Ижевск, столица, Воткинск, Глазов, Сарапул, Можга и двенадцать поселков городского типа. Полезные ископаемые, ещё горючие сланцы, известняк, сланцевые залежи, используемые в военном деле, машиностроение и металлургия. На реке Кама начато строительство гидроэлектростанции, Ижевские машины идут в основном на вооружение Красной Армии... Хватит, что ли, Петр Сомов? – уже откровенно улыбался Новоселов.

Александр взял из упомянутого в акте листка с адресами, поводил карандашом по строчкам: – Город Сарапул. Улица, дом номер... В этом доме живет тетюшка? А вот адрес и город Ижевск. Здесь живет твой приятель. А вот координаты Светланы, твоей девушки? Ладно, это меня не интересует. Меня интересует Батумский адрес. Вот этот... Чей адрес?

– Адрес библиотеки.

– Перед уходом за границу потянуло детективы почитать?

– Нет. Карту просмотреть, сориентироваться.

– Уже и на том спасибо – не врешь. В библиотеке я тоже побывал. Карта в энциклопедическом словаре не больше спичечного коробка. Что ты там разобрал?

– Все. Побережье реки Чорох, границу...

– Ну, а шпионские сведения откуда, со страницы двести пятой? Из третьего тома? Так? Почему не дословно описывал? Для пущего вида подредактировал? Зачем же торф пропустил? Я почему-то не сомневаюсь, что торф в военном деле тоже важен.

Нарушитель границы постоянно молчал, разглядывая свою обувь.

– Для кого предназначались эти разведданные? Для турок или американцев? Может Прохора Севатеевича Ковалева хотел надуть? Кстати, кто он такой? Что ты о нем знаешь?

Сомов втянул голову в плечи, внезапно вытаращил глаза.

– Антон сказал, что Ковалев – агент американской разведки и поможет связаться с посольством.

– Откуда Артамонов знает Ковалева?

– Говорил – в плену вместе были.

– А про то, что агент?

– Я не спрашивал.

– Как они жили в плену, чем занимались? Об этом Артамонов рассказывал?

– Эта сторона жизни Артомонова интересовала многих, но к себе в душу никого не пускал. Пошлет по дальше и точка, – Сомов поглядел на Новоселова, смешно пошевеливая носом. – Это он посоветовал из какой-нибудь книжки списать, чтобы не с пустыми руками туда топать. Говорил: «Сидят за кордоном, не знают ни черта, слопают твою баланду, да ещё долларов дадут»... Понимаю теперь – глупость, а тогда почему-то верилось. Вот и стал в Батуми библиотеку искать.

– Петр, – добродушно спросил Новоселов – о том, что ты дурак, Артамонов случайно не говорил?

– Говорил, – не обиделся Сомов.

– И ты не поверил?

– Я сказал, что он сам – дурак.

– Эко ты его, лихо срезал, – ухмыльнулся Новоселов. – И как он на это ответил?

– Кулаком в зубы.

– Часто от него получал?

– Было дело.

– За что?

– Падла он... Зверь. Нашепчет мне всякого, потом избивает.

– Что он нашептывал?

– Не то, чтобы нашептывал... Какой бы там не был, человек все же. Болело что-то внутри. На нарах места рядом. Когда меж нас перемирие, он начинает свою боль лечить. То не так, другое не по нему. Про советскую власть, про лагерное начальство... На другой день спохватится – и на меня зло вымещать: «Зачем, – говорит, – ходил в оперчасть, таскался сексотничать?» На хрена он мне сперся – стучать на него. Знаете, иногда мне приходила мысль, что Артамонов не в плену был, а палачем у немцев. Как-

то до того довел, что я возьми и выскажи ему свое соображение. После – две недели в санчасти валялся.

– Артамонов часто вспоминал о Ковалеве?

– Не сказал бы, но если называл его – зубами скрежетал. Он и меня-то бил, мечтая, что Ковалева бьет. Страшно ненавидел.

– Ты не задумывался над странностью в поведении Артамонова? Ведь он, желая отомстить за какую-нибудь обиду Ковалеву, мог о нем сообщить куда следует. А он не говорил, оберегал его. В чем тут дело?

– Мама его знает. Все они у немцев одним дерьмом мазаны. Но вообще-то казалось, что Артамонов искренне хочет помочь мне: «Молодой, – говорит, – грамотный, не то, что я. И в чужой стране устроишься, проживешь». Только говорил, к американцам в разведку ити – пустой номер, пожуют и выплюнут.

– А, если эта искренность притворная? Просто напроосто хотел больше пакостей сотворить? Допустим, чтобы ты снова за решеткой оказался. Могло быть у него такое желание?

– Зачем ему?

– По той же причине, по какой ненавидел тебя. Из ненависти к людям.

– Конечно, люди ему... Он, по-моему, себя не любил.

– Вот, что я, Петя, думаю, Артамонов не сомневался, что ты со своей глупостью обязательно засыпишься на границе. А там – суд, снова в лагерь. Вероятно и другое думал, удачно минуешь пограничников и придешь в Трабзон, а там никого нет, никакого Ковалева. Откуда Артамонову знать, что товарищ по плену именно там? Ведь десять лет в заключении. И ты попадешь в такое положение, хуже которого и не придумаешь. Предположим третье. Ты встречаешься с Прохором, во что крайне не верится, передаешь ему привет от Артамонова, вручаешь секретные материалы... из энциклопедии. Он же сразу поймет, чья проделка. Ковалев на самом деле сотрудничает с американской разведкой, – о секретности таких людей ты знаешь по книгам, – ему не останется ничего другого, как убрать тебя.

– А что, и это могло быть. Как-то не подумал об этом.

– Ты о многом не подумал, Петя Сомов...

Постучав в кабинет начальника отдела, вошла секретарша и открыла папку:

– Пришел ответ на ваш запрос, Павел Никифорович.

– Откуда?

– Из Чехословакии.

Дальнов расстроено подумал: «Значит пусто». А, что ещё придет в голову, если на запрос, требующей серьезной работы, ответ приходит так скоро? Это значит, что в нем нет ничего существенного.

– Перевод требуется?

– Нет, протоколы допросов выполнены на русском языке.

– Что? – не поверил Дальнов услышанному.

Не поверил не тому, что чехи написали по-русски, а тому, что прислали протоколы допросов. Протоколы, ясное дело, по существу запросов. Взяв папку, раскрыл её. Чешские друзья сообщали: «Ещё в 1946 году по требованию коммунистов Северо-Чешской области органами государственной безопасности республики проведено расследование по делу провала группы интернационалистов в городе Теплице. В результате оперативно-следственных мероприятий стало известно, что в январе 1945 года называемая организация установила связь с двумя другими представителями тайной антифашистской группы унтер-офицерской школы армии предателей Советского Союза генерала Власова, подразделение которого дислацировалось в Теплице. Как оказалось, впоследствии, никакой враждебной к немцам организации и унтер-офицерской школы не существовало. Эти двое оказались провокаторами. В результате, пятеро из контакт-семерки подполья Теплицы, которые лично встречались, попали в засаду, арестованы и замучены в фашистских застенках. Имена и приметы провокаторов называют двое из оставшихся в живых патриотов контакт-семерки, которые лично встречались с указанными курсантами власовской шпионо-диверсантской

школы. Копии их показаний высылаем. Если у советских товарищей возникнет необходимость в дальнейшей нашей помощи, мы готовы оказать её в пределах возможного. К письму были приложены свидетельские показания Яна Холечека и Фера Климушко.

Из прочитанных показаний выяснилось, что в 1945 году в подпольной группе антифашистов находилось около 50 человек разных национальностей. Группа была разбита на семерки. На хутор, где находился Фера Климушко, пришли два русских парня в немецкой форме из армии Власова и заявили, что у них создана группа бывших военнослужащих Красной Армии, желавших перейти на сторону партизан. Это были курсанты шпионско-диверсионной школы. Один из них был Подколюзный Николай, а второй из Караганды – Антон или Артем. Командир семерки, посоветовавшись с руководством подполья, решил дать возможность Подколюзному и Антону привести свою группу, которую они отправят к партизанам. 22 февраля Подколюзный пришел с группой немецких захватчиков и решил захватить группу, но партизаны открыли огонь. В результате вся группа подпольщиков была уничтожена, не добравшись до партизан. Во время захвата подпольщиков Яну Колечеку и Фери Климушко удалось скрыться. Их показания были присланы.

Вот ещё один свидетель против Артамонова, но его нужно разыскать, если он живой.

Отправляя Новоселова и оперативника Яковлева в Белоруссию, их работа, казалось, не считалась легкой. Оперативно-следственная работа по делу Артамонова и Караваева заставила ребят обстоятельно разобраться во всем.

Дальнов посмотрел на часы. Будет звонок или не будет из Минска? С Новоселовым договорились созваниваться, если потребуется, с девяти тридцати до одиннадцати. При острой необходимости – в любое время суток...

Прямо с поезда Новоселов и Яковлев на такси поехали в республиканский комитет госбезопасности. Дежурный по управ-

лению проверил их удостоверения личности и командировочные предписания. Закончив знакомиться с документами, дежурный пожал им руки и сказал: «Тут для вас заготовлено, – открыл ящик стола и вытащил направление на право проживания в одной из воинских частей, а также позвонил в автобатальон и вызвал автомашину. – Этот автомобиль, что придет за вами сейчас, будет обслуживать вас на время вашей командировки. Плодотворной вам работы».

В воинской части им выделили комнату на двоих. Оставив вещи и покушав в воинской столовой, Новоселов и Яковлев уехали в государственный комитет госбезопасности.

Местный комитет государственной безопасности располагал большим количеством немецких трофейных документов, проливающих свет на то, что творили гитлеровцы во время оккупации. Но нужно было выбрать то, что необходимо для расследования Артамоновского и Караваевского дел.

Первое, требуется узнать, чем занимался Артамонов на протяжении трех лет после сдачи в плен?

Второе – Сомову, который нелегально пытался перейти границу, Артамонов передал записку для встречи с Ковалевым, с которым вместе служили в карательном 621 батальоне на территории Витебской области. Необходимо установить, как и когда свела судьба двух изменников родины вместе. Для того, чтобы это узнать, Новоселов и Яковлев решили разделить папки по двум направлениям. Яковлев, как знаток немецкого языка, будет искать в трофейных документах линию Ковалева, а я – линию Артамонова.

В трофейных документах Юра Яковлев нашел документы образования 2-го добровольческого полка, который был сформирован в июне 1942 года в Шепитовке, где Ковалев теперь начальник штаба 621 казачьего батальона, а бывший учитель литературы Александр Львович Брандт – командир батальона.

Оба получили в России отличное образование. Ковалев, кроме русского, отлично владел и английским языком, успешно ос-

ваивал немецкий. Брандт слыл знатаком аналитической литературы, что и сблизило их.

Саша Новоселов занимался делом Артамонова в архивах партизанского движения. Нашел документы формирования 162 стрелковой дивизии, сформированной в Казахстане. Выявлено 87 человек, призывавшихся в 1941 году из Карагандинской области, сражавшихся под Вязьмой, отдельного противотанкового батальона. Смутная надежда была на одного человека из этой группы. В июле 1944 года он вернулся в ряды Красной армии, пришел из партизанского отряда на Гомильщине. Демобилизовался в звании старшего лейтенанта. В начале Великой Отечественной войны этот человек, по некоторым данным, командовал орудейным расчетом 621 отдельного противотанкового дивизиона. Фамилия его Чивадов Григорий Максимович. Был запрошен адрес проживания Чивадова Г.М. Ответ пришел из паспортного стола быстро. Чивадов Г.М. в 1946 году выехал в город Гомель на постоянное местожительства. Пришлось выехать в Гомель для встречи с Чивадовым.

Прийдя на квартиру к Чивадову, Новоселов познакомился с хозяином дома, предъявил удостоверение и сказал, что тоже из Караганды и жаждет поговорить со своим земляком.

– Дождался, пока тебя самого не разыскали, – сказала мужу жена Чивадова.

Новоселов отметил про себя, что в этом слове была какая-то нужда, и решил спросить самое главное:

– Чего дождались, Григорий Максимович? Не об Артамонове ли собирались сообщить нам?

Чивадов удивленно посмотрел на Новоселова.

– Вы знаете Артамонова?

– В какой степени я знал Артамонова, мы каснемся несколько позже, удовлетворите мое любопытство. Войну вы начинали в 621 отдельном противотанковом дивизионе, 162 стрелковой дивизии. Так?

– Да, так.

– Вместе с Артамоновым Антоном Николаевичем?

– Артамонов был старшиной первой батареи, я командовал сорокопятками в третьей батарее. Его имени и отчества никогда не слышал. Если говорим об одном и том же человеке...

Новоселов достал из полевой сумки фотографию Артамонова, увеличенную со снимка 1945 года, и положил перед Чивадовым. Тот даже не прикоснулся к ней, отодвинул даже, произнеся с расстановкой:

– Не-го-дьяй!

– Расскажите, почему негодяй? – спросил Новоселов.

Чивадов собрался говорить, но вдруг почувствовал – не может говорить. Не о чем. На самом деле, о чем он будет рассказывать этому молодому человеку, который слышал выстрелы, пожалуй, только в тире? О том, как он, Чивадов, вызвался прикрывать отход окруженцев, потому что он, спасавший этого старшину Артамонова, был тяжело ранен, смертельно ранен? О том, что у старшины, как оказалось, не было даже царапины, и этот старшина, бросив Чивадова, сбежал к врагу?

Вглядываясь в лицо Чивадова, прихваченного тревожной и злой досадой, Новоселов сердцем разгадал причину странного молчания. Достал из сумки другую фотографию, из тех, что обнаружил в трофейных документах. Здесь Артамонов был в немецкой форме с медалью на френче.

Вот этот снимок Чивадов взял в руки, долго рассматривал, перевел взгляд на следователя.

– Расскажу... Теперь, почему-то, подумалось, что вы не можете мне не поверить.

– Наверное, Григорий Максимович, я каждому вашему слову поверю.

Разговор продолжался несколько часов. Больше всего он касался Артамонова. Что о нем говорить? Чивадову на это хватило и десяти минут. Был ли в дивизии капитан Ковалев, – не ему, сержанту, знать, а в артдивизионе не было – это точно. Григорий Максимович, много говорил о белорусских друзьях, с которыми свела судьба в партизанском отряде.

Прощаясь, Новоселов сказал:

– Григорий Максимович, заранее прошу извинить. Вскором времени придется вас потревожить. Очной ставки с Артамоновым не миновать.

– К чему извинения. Ведь и мне интересно на него посмотреть.

– Артамонов пока на свободе. Пусть этот наш разговор останется при нас.

Работая с немецкими архивными документами, часть из них отдала переводчику местного управления, перевести с немецкого языка на русский. Лейтенант, занимавшаяся переводом, принесла Новоселову документы и доложила:

– Я расшила дело. Перевод – страница к странице. Так вам будет удобно работать. Начните с этого.

Новоселов и Яковлев начали читать: «Казачий батальон 621. Характеристика на Артамонова Антона Николаевича.

Артамонов, имеет твердый характер, знает, что он хочет. Свою роту, которая вначале была самой плохой в батальоне, он сделал лучшей. В бою отличался упорством и храбростью, поэтому отмечен наградой для восточных народов – «Бронзовый меч второй степени». Но, когда Артамонов находится в подвыпившем состоянии, он совершенно перевоплощается, становится развязанным, властелибным и делает такие вещи, в которых он сам позже раскаивается, поэтому я его не однажды предупреждал. Последний выговор ему дан за несколько часов до преступления. Почему он так быстро забыл его, мне самому не понятно. Командир батальона обер-лейтенант Бершлепет».

Оперативники продолжали чтение: «В тот день командир роты явился сильно выпившим, – показывал денщик, – но на ногах держался. На кухне был я и задержанные гражданские лица. Артамонов прошел в свою комнату и велел подать кушать. Павел Бехшер (это его повар) приготовил и принес. Поев и полежав, ротный вышел на кухню в нижней рубашке и кольсонах, стал распоряжаться, где кому спать. Девочкам Алине Чудиновой и Вере Черниговой показал на широкую скамейку возле печки,

а старым женщинам на печке. Керосиновую лампу задул сразу, сам забрался к Верке. Она толкнула его, и он упал на пол. Тогда ротный приказал мне арестовать Верку, но я её не нашел. Артамонов полез на печь, и старуха, лежавшая там стала кричать на него, тогда он стал стрелять в лежавших на печи. Старушка получила ранение в шею. Ротный кричал: «Вас всех надо расстреливать» и выстрелил на печи ещё два раза. Старушка была мертва. Артамонов приказал мне и повару вынести её во двор, что мы и сделали».

После ознакомления с показаниями денщика и повара, возникла новая задача – как командир роты немецких сил оказался в лагере для военнопленных в Чехословакии? Ответа у Новоселова и оперативника на него не было. Напрашивалось три версии.

Первая: – Водворен туда принудительно, за какую-то провинность.

Вторая: – Каким образом перебрался туда, по собственной инициативе, чтобы вернуться на родную землю обычным военнопленным, освобожденным Красной Армией?

Третья, не менее вероятная версия: – водворен в лагерь разведывательными органами немцев в качестве агента с заданием на далекое будущее.

Оставался неразрешенным такой вопрос: «О выполнении какого задания говорили на допросах в 1945 году с Артамоновым в Теплице?»

На запрос в Чехословакию ответ был получен.

В тот поздний вечер, когда Ковалев, оставив на улице Нила Дубеня «глядеть в оба», заявился на маслозавод здоровым и невредимым, Фросе Сенчук сделалось очень плохо. Действительно, она смотрела, как на живого черта или вставшего из гроба покойника. Избавиться от навождения, говорить с Ковалевым, как говорила прежде, улыбаться, как улыбалась до сих пор, стоило Фросе невероятных усилий. Вроде бы взяла себя в руки, держалась, но сердце бешено колотилось. Казалось, оторвись от стола – ноги не выдержат, упадет, потеряет сознание. Так и си-

дела застывшая, ничего не понимавшая, что доносилось до её слуха. Не мог же Артемка соврать. Стрелял в упор, видел его убитым... Может ошибся, в кого-то другого стрелял?

– Чем вы расстроены, голубушка? – с полунасмешкой спросил её Ковалев.

– Нездоровится что-то, – ответила она.

А в сознании лихорадочно бьется: «Живи, живи, подлец!» «Вот и край нам с Паней.»

Дотянуться бы до кровати, выхватить бы из-под матраца пистолет. Предохранитель снят, патрон в патроннике... Да ей ли соперничать с ним...

Однажды, после какого-то совещания казачьих офицеров, Ковалев завлек её на пирушку с командирами рот. Могла бы не пойти, но пошла, чтобы что-нибудь услышать интересного для партизан.

Сколько яда, желчи у этого Ковалева... Довел тогда ротного Артамонова до остервенения... Пьяный Артамонов схватился было за кабуру, но Ковалев ему уже в лоб целился.

Знали немцы, что Ковалев хладнокровно подписывал приказы о расстреле своих соотечественников, а когда настроение паршивое, то – сожжение наглухо заколоченных хат.

Прошло двое суток после посещения маслозавода Ковалевым. На рассвете третьих суток Паня Лебеденко пошла в лес «за грибами». Она должна была оставить в потайном месте донесение об услышанном на вечере сборища офицеров. Но ни к обеду, ни к вечеру не вернулась. Вечером пришел холуй начальника штаба Ковалева, Нил Дубень.

– Сударыня, мне поручено проводить вас к Альфреду.

– Зачем?

– Там подружка ваша плачет, увидеться хочет.

Все оборвалось у неё внутри, похолодело под сердцем.

– Что с ней?

– Ничего страшного. Казаки, правда, навеселе поласкали её там, у тайника. Впятером. Но от этого не умирают. Жива ваша подружка. Только дорогу к партизанам забыла, помогите.

Закружилась голова, половицы стали уходить из под ног. Ухватилась за спинку кровати.

– Отвернись, лифчик одену, – зло сказала Фрося и сунула руку под матрац.

Опередил сволочь. Неуловимым взмахом ударил прикладом по кисте, схватившей рукоятку вальтера. Фрося вскрикнула, и прижала к губам обожженную пятерню.

Дубень, возбужденный от крайнего гнева, важно прошагал к отлетевшему к стене пистолету, поднял, посмотрел, пистолет был снят с предохранителя.

– Оказывается, госпожа Сенчук, с оружием вы... Хорошо обучены оказывается. Вот так лифчик, ничего не скажешь. Не вы ли бедному Петрову пулю промеж глаз всадили? И ординарца Ковалева рукояткой? Марш, мерзавка!

Расстреляли их на второй день – пятерых селянок, которые приходили работать на маслозавод, Фросю Сенчук и пятнадцатилетнюю Паню Лебеденко. Женщины что-то кричали в свое оправдание, донимали криками и Ковалева:

– Скажите немцам, не виноваты мы ни в чем. Для детей на еду зарабатывали.

Для выполнения приговора, Караваев приказал отделению казачков из роты Артамонова. Присутствовали: командир батальона обер-лейтенант Брухшмид, начальник штаба батальона Ковалев с Нилем Дубенем и ротный командир Артамонов с денщиком Василием Егоровым. Процедурой казни распоряжался Ковалев.

Картофель крестьяне витебщины в зимнее время хранили в вырытых ямах. Так как новый урожай еще не поспел, ямы были пустые. К одной из них подвели истерзанных, с запеченными сгустками крови на лице, пятерых женщин. Женщины неистово кричали, рвались из рук палачей, их избивали прикладами карабинов на отмах, они падали в ямы и в них стреляли. Фрося и Паня стояли в стороне. Осунувшиеся лица без следов побоев, лишь у Пани припухлые, искусанные насильниками, губы. По прихоти Ковалева, на допросах девушкам мучительные побои

наносили только по телу. Ковалев объяснял обер-лейтенанту свое гнустное желание: «Хочу видеть, как гаснут от смерти чистенькие, хорошенькие женщины. Это доставляет мне удовольствие».

– Господин ротный, – холодно и непонятно улыбаясь окликнул Ковалев Артамонова, – вы специалист по женскому телу. Ну-ка...

Артамонов, сверкнув глазами, в свою очередь подтолкнул своего денщика Егорова, кивнул на Фросю с Паней. Ковалев ехидно заметил:

– Что же это вы?!... Казацкий предвадитель, и поди же ты... Сами, сами, господин Артамонов.

Фрося поняла, будут стрелять, как стреляли ни в чем неповинных сельских женщин. Она повернула голову, впилась взглядом в Артамонова, отчетливо проговорила:

– Ротный, ты хотел узнать, где я Петрову пулю всадила? Так вон, возле этих кустов.

Ствол Артамоновского нагана медленно поднимался к лицу Фроси. Не собираясь, что делает, Фрося выкрикнула:

– Придет время, вы все подохните, и никто о вас не вспомнит. А мы будем жить вечно в памяти народа!

Артамонов выстрелил в лицо. В беспамятном крике зашлась Паня, не выпуская из рук Фросю, повалилась с ней в яму.

Ковалев язвительно ухмыльнулся и сказал Нилу Дебеню:

– Допомоги... Засыпьте яму...

Толстоногий, блудный денщик начальника штаба, развалисто подошел к яме, полной автоматной очередью заглушил крик Пани.

Нил Дебень и денщик ротного Егоров подошли к яме с женщинами и, для верности, ещё раз из автоматов постреляли в трупы, после чего обе ямы засыпали землей.

Из архивных документов стало известно, что денщик Егоров Василий Харитонович заканчивал службу в рядах Красной Армии, и проживает в городе Кинишма.

В Кинишму Новоселов приехал с оперуполномоченным Белорусского комитета госбезопасности Марковым. Первый визит в

местное отделение КГБ, второй – в горком партии. После горкома Марков поехал в прокуратуру, а Новоселов на предприятие, где работал Егоров. Его уже поджидал начальник отдела кадров, человек лет тридцати. Подавая Новоселову карточку на Егорова, сказал:

– Приготовил к вашему приезду. Самое основное. И так, фамилия – Егоров, имя, отчество – Сергей Харитонович, дата рождения – июнь 1920 год. Соответствует истине и времени призыва начальника автотранспортной механизированной бригады лейтенанта Егорова – осень 1941 года. В остальном обнаружены некоторые, мягко говоря, неточности. За время командировки, Новоселовым и его другом оперуполномоченным, с помощью тамошних коллег, установлено, например, что в сентябре 1943 года в партизанском отряде «За Родину», у чешской бригады появился новый боец Сергей Егоров, дезертировавший из 621 карательного казачьего батальона. Здесь, в Камышине, значится как сбежавший из лагеря военнопленных. Служба в карательном подразделении скрыта. И после соединения Белорусских партизан с регулярными частями Красной Армии, Сергей Харитонович Егоров восстановлен в офицерском звании, назначен начальником авто-тракторной мастерской артеллерийской дивизии. Награжден медалями: «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны первой степени», «За Победу над Германией». В настоящее время – диспетчер Камышинского хозяйства сталинградского Дорстроя. Женат, имеет на иждивении троих детей. Член КПСС с 1952 года.

Зазвонил телефон, Новоселов поднял трубку:

– Слушаю.

– Александр Васильевич, санкция получена, – сообщил оперативник Марков.

– Хорошо, понял, – Новоселов положил трубку.

– Пригласите Егорова, – попросил Новоселов начальника отдела кадров.

Он куда-то позвонил, потребовал, чтобы Сергей Харитонович прибыл в отдел кадров, немедленно.

Егоров появился в дверях очень быстро, запыхавшись, бежал наверно.

Фотография, которую рассматривал Новоселов в личном деле, была сделана плохим фотографом, но все равно Саша сразу узнал Егорова. И дело не в том, что запомнил его лицо по снимку. Реальный Егоров, реально походил на того, который жил в воображении Новоселова. Угодлив, настороженно боязлив.

К подъезду подкатила новенькая темно-зеленая «Победа» горотдела КГБ. Капитан Марков – пожилой, в серой навывпуск рубахе, через минуту был уже в кабинете, подал Новоселову постановление об аресте Егорова. Саша мельком взглянул на него и подал Егорову. Тот прочитал его с большим усилием выдавил:

– Не понимаю...

Капитан Маркин не стал транжирить время, сказал густым басом:

– Встретитесь с Артамоновым – все поймете.

Мгновенно сникший Егоров не произнес больше ни слова. Когда капитан вышел с Егоровым, Артур Игнатьевич спросил:

– Судить где его будут?

– В Белоруссии, по месту злодеяния.

Он вышел.

Закончив собирать материалы о злодеяниях Артамонова А.Н. в архивных немецких документах, протоколы допросов, свидетельские показания живших в Белоруссии, Смоленской и Гомельской областях, Саша Новоселов и Юра Яковлев вылетели в Караганду.

На основании собранных документов, прокурор области выдал санкцию на арест Артамонова Антона Николаевича.

В условиях города, ночь для задержания – самое подходящее время. В деревне – совсем другое: заборы, запоры, ворота, задвижки... Ружье в хозяйстве такой же обиходный предмет, как кочерга, ухват и тому подобные предметы. Поэтому решили Артамонова брать утром.

До задержания за Артамоновым велось негласное наблюдение, которое заметило за ним какие-то странности. В неприметной плотницкой жизни прежде никогда не проявлялось резкого интереса к газетам. Одновременно несколько поездок на железнодорожный вокзал, где изучал расписание движения пассажирских поездов. Так же, в городе Артамоновым приобретена обновка, новая телогрейка и кирзовые сапоги. Было похоже, что человек собрался покинуть родное Преображенское, притом тайно, поскольку, как выяснилось, о своих намерениях не говорил ни жене, ни дочерям, а тем более братьям.

Каким же хлыстом хлестануло Артамонова? Об утечки сведений, касаемой работы чекистов по его делу, не могло быть и речи. Или все же проскочила какая-то писулька от белорусских доброжелателей, потревоженных следователями? Едва ли. Другое что-то. Не из газет ли чем-то обожгло Артамонова? Посмотрим. Похоже они. В это время появилось много сообщений о судебных процессах над ОУНавцами, прошлое которых было наизнанку вывернуто украинской контрразведкой. Одни заголовки судебных процессов могли привести Артамонова в трепет: «Нет пощады предателям», «Военные преступления не имеют прошлого» и другие. В какие же края решил махнуть бывший ротный командир казачьего батальона немецких вооруженных сил? Смешно было думать, что в Турцию, в портовый город Трабзон? Да и, как говорится, кишка тонка, чтобы решиться на закардонный вояж. Его там никто не ждет. Видимо в своей стороне где-то облюбовал местечко. И не сейчас задумал он все. Скрыться навсегда, исчезнуть от всех его знавших и продолжать жевать хлеб под другой личиной – об этом он думал ещё в заключении. Подготовку начал сразу, как только оставил за плечами ворота исправительной колонии. Сомнений тут не может быть, при обыске в подкладке вновь приобретенного ватника обнаружили паспорт на имя Бабушкина Савелия Григорьевича 1916 года рождения, выданный милицией Серпухово, Красноярского края.

В Красноярск немедленно был сделан запрос. Из ответа было ясно, что Бабушкин Савелий Григорьевич пропал безвести 9 декабря 1954 года, что совпадало со временем пребывания Артамонова в Красноярске сразу после освобождения. Объявлен все-союзный розыск, он не дал положительных результатов. В июне 1955 года ягодниками было обнаружено оставшееся от зимы кострище, полусгоревший труп. По остаткам одежды и некоторым другим приметам родственники опознали в нем Бабушкина Савелия Григорьевича.

Судебно-медицинской экспертизой установлено, что смерть наступила от удара по голове тупым предметом, после чего была попытка сжечь труп и таким образом скрыть следы преступления. Часы и незначительная сумма денег обнаружены в заднем кармане брюк, оставшихся на покойнике. Милиция выдвинула версию, что убийство было произведено с целью завладения документами.

Сомнений не было, убийство – дело рук Артамонова. Но не было сомнений и на другой счет – причастие к данному преступлению Артамонов будет отрицать. «Паспорт нашел, Бабушкина и в глаза не видел», – вот что он скажет. Следователь рассматривал паспорт Бабушкина и думал, как с наименьшими затратами времени и сил, в кратчайший срок, неопровержимо доказать, что убийство совершил Артамонов?

Снял трубку, позвонил начальнику следственного отдела. Объяснив создавшуюся обстановку, намекнул, нельзя ли съездить в Красноярск?

– Нельзя, – сказал начальник отдела, – Мы что-нибудь придумаем. Занимайся своим делом. В Новосибирске работает наш оперативник Козлов. Это мы поручим ему. Он там рядом, съездит и решит этот вопрос. В ожидании ответа из Красноярска, Новоселов, начал расставлять свидетелей по делу Артамонова. И так, первым будет заслушан полковник Альберт фон Рикштель, за военные преступления осужден советским судом к 25-ти годам лишения свободы. Где он отбывает, место извест-

но. Второй, свидетель Смирнов Леонид Григорьевич – физрук из города Гомеля. Его показания и очная ставка с арестованным Артамоновым, будет открыта вторая страничка. Дальше пойдут Рассказов и Гопотин – узники «Шпалагеря 315», их показания о бесчинствах старшего бараками над заключенными. Эти свидетельские показания подкрепят немецкие трофейные документы, удостоверяющие, что в лагере он исполнял должность старшего полицейского и, как самый усердный, планировался для особых поручений в конрразведке.

Следующий этап из жизни предателя – служба в немецком карательном батальоне. Здесь особое место занимают показания денщика ротного Артамонова – Егорова. Тоже допрошен, при необходимости будет приглашен на судебный процесс. В его показаниях чистосердечное признание в военных действиях против партизан во время службы в 621 карательном батальоне, а так же то, что он неоднократно конвоировал советских граждан к месту казни и лично расстрелял в селе Шепитовка престарелую женщину.

Соединяя факты в единую цепь, Новоселов вспомнил об одной улике, найденной среди трофейных документах преступлений – заявление Артамонова на имя командира 201-й охранной дивизии генерала Якуба, в котором он клянется в верности Адольфу Гитлеру и обещает вести решительную борьбу против большевиков. Новоселов вызвал следователя-криминалиста, распорядился отправить на подчерководческую экспертизу письма Артамонова из ИТЛ родным и заявление на имя генерала Якуба.

И так, Артамонов – командир роты 621 батальона, 7-го казачьего карательного полка. Награжден немецкой медалью «Инициативный каратель».

И последнее преступление Артамонова – убийство жителя Красноярска Бабушкина Савелия Григорьевича, в декабре прошлого года.

Так что, материалы преступлений Артамонова Антона Николаевича закончены, переданы в военную прокуратуру Караган-

динской области, для привлечения к уголовной ответственности. Все фигуранты были осуждены на разные сроки наказания от 10 до 25 лет. Так восторжествовала справедливость.

Чсть и слава тебе, мой друг, и пусть земля тебе будет пухом.

*В честь памяти моего отца,
Полещука Николая Варламовича – чекиста,
к восьмидесятилетию его трагической гибели,
и столетию организации органов ВЧК посвящается.*

БЕГЛЕЦ

В августе месяце 1934 года на общем собрании сотрудников ОГПУ с докладом выступил начальник райотдела Смирнов. Он сказал, что по решению партийных и советских органов Алма-Атинской области и республиканского управления ОГПУ, а также дорожно-транспортного управления, совместно с милицией, поручено разрабатывать и осуществлять мероприятия по выявлению и задержанию преступных элементов и сомнительных лиц, совершивших преступление, или подозреваемых в преступлениях и проживающих без прописки.

«Мы должны не просто прийти на помощь милиции, но в ходе этой работы воспользоваться возможностью активизировать выполнение наших задач, – говорил Смирнов. – Вам известно,

что нашими силами до сих пор разыскиваются те, кто нанес государству большой экономический, политический и моральный ущерб. Каждый сотрудник занимается своим делом, только ещё более вимательней. Знайте, что наши вокзалы – это те же «Шанхай», о которых говорилось на областном совещании, только на колесах. И люди там появляются самые разные, да и в «Шанхай» прибывают через нас».

«Шанхаями» в поселке называют места временных застроек. Появлялись они моментально где-нибудь на пустырях, на задворках. Начиналось все с какого-нибудь летнего типа пристройки, вроде отдельного сарайчика, а то и просто с землянки и тут же к ней без всякого порядка начинали лепиться другие сооружения разной величины и формы. Соседей называли чаще по прозвищу. Конечно, большинство жителей «шанхаев» были не преступники. Но именно в этих муравейниках чаще всего искали приют всякие уголовные элементы и люди без определенных занятий.

Через неделю после совещания Смирнов пригласил к себе следователя Пригунова и доброжелательным тоном объявил:

– Вот тут дельце одно есть, Николай Варламович, пустяковое, вообщ-то через прокуратуру пришло... Мужик один, фамилия названа, пытался квартиру ограбить. Его поймали, составили протокол и отпустили за недостаточностью улик. А вчера наш транспортный прокурор обратил на него внимание, и вот санкция на арест. Арест произвести возложили на нас. Живет он в «шанхае».

Николай моментально сообразил, что ему предстоит сделать и попробовал отговориться:

– Так ведь «шанхай-то» к поселку относится.

– Понимаю, – сказал Смирнов. – Закавырка в том, что задержала мужика транспортная милиция на железнодорожном рынке.

– Как так? Вы сказали по квартирной краже он задержан?

– По квартирной. Так и указано, – Смирнову, видимо надоел этот разговор, и он протянул Пригунову тоненькую папочку. – В общем, разберитесь, Николай Варламович.

– Слушаюсь! Разрешите идти?

– Идите, и составьте план мероприятий по проверке дела.

Николай пришел в свой кабинет, сел за стол, раскрыл дело с несколькими листками, исписанными неразборчивым подчерком, молча вперся в них взглядом. Совершившего попытку кражи звали Афанасием Бердышевым.

Из беседы с милиционером линейного отдела Пригунов узнал, что неделю назад Бердышев, обитавший у своей сожительницы в «шанхае», утром отправился за пивом на железнодорожный рынок. По дороге обратил внимание на один дом, дверь которого была закрыта на маленький всячий замочек. Замок этот показался Бердышеву каким-то несерьезным. Он подошел, потянул его, замок не закрыт, и он решил зайти в дом... Каково было его удивление, когда он, войдя в комнату, увидел на койке здорового мужика.

– Тебе что? – спросил тот, освобождаясь от одеяла.

– Ничего... – отозвался опешивший Афанасий.

– Жулик, значит? – спросил мужик вставая и поддерживая подштаники.

– Чего? – глупо сказал Афанасий пятясь к дверям.

– Нет, ты подожди! – загремел мужик угрожающе.

Афанасий задом толкнул выходную дверь, выскочил в тамбур, бросился к калитке. Преследуемый криком, Афанасий побежал что есть сил. Базар был совсем близко, тогда преследуемый заревел по другому: «Держите вора, вора держите!» Люди возле базара обернулись на крик. К базару бежал только один человек – это был Афанасий. Его сцапал в охапку молодой парень крепкого телосложения.

– Это ты что ли вор-то?

– Он, гад! – крикнул подбегавший человек и влепил Афанасию затрещину.

Парню не понравилось, и он, не выпуская Афанасия, вдруг сурово осадил мужика:

– Но, ты, дядя, не хулигань! А то сам получишь. Делай по порядку...

Рядом с парнем встали такие же железнодорожники, как и он сам. А через минуту собралась толпа. Сквозь неё пробирался к месту скандала милиционер.

...Задержанный Бердышев Афанасий Иванович, 1894 года рождения, уроженец деревни Заречное, Андреевского района, Алма-Атинской области, приехал в гости к зятю. В ходе предварительного опроса выяснилось, что Бердышев ранее судим за кражу, нигде не работает, но по его словам уже договорился работать в железнодорожном депо.

Бердышев не мог точно назвать почтовый адрес зятя, объяснив только, что тот живет в поселке. Поэтому, милиционер не решился его отпускать, а вместе с ним пошел в «шанхай» к его сожительнице. Ею оказалась двадцативосьми летняя Кравцова Полина Сергеевна, уборщица на мелькомбинате. Она подтвердила, что в поселке Лепсы у Бердышева действительно есть зять, но где живет, точно сказать не может.

– Вот что, Бердышев, – решил милиционер, – сходишь к своему зятю, принесешь его точный адрес. Будем вместе решать, что с тобой делать. И главное – ты мне говорил, что подыскал работу в депо. Если не врешь и в трехдневный срок оформишься, принесешь справку.

– А как же я без паспорта? – Бердышев собрался уходить.

– Ничего, пусть нам позвонят. Все понял, что я сказал?

– Понял...

Через четыре дня дело о попытке квартирной кражи Бердышевым Афанасием Ивановичем было прекращено за недостаточностью улик. Бердышев за документами не явился.

Николай, выслушав милиционера, спросил:

– А вы знаете о том, что прокурор дал санкцию на арест Бердышева?

– Да, мне сказали. Но материал не у меня.

– Они у меня, – сказал Николай. – Вы знаете, где живет Кравцова, и нам придется отправиться туда за Бердышевым, если он не сбежал, добавил Николай.

– Куда ему бежать? Документы-то его у нас, – ответил милиционер.

– Если грозит тюрьма, такой человек не задержится из-за документов, – продолжил Николай. – Короче, завтра в четыре часа утра я буду у вас.

– В четыре?!

– Да! И встретиться нам лучше не здесь, а в вашем пункте на рынке, откуда, как я понимаю, до Кравцовой ближе.

На рассвете следующего дня Бердышева доставили в линейное отделение милиции. Поняв, что распорядиться здесь будет человек не в милицейской форме, он заволновался, и когда Николай сел за стол против его, не выдержал, спросил:

– Я что, арестован?

– Пока задержаны. Вот протокол о вашем задержании, – Николай пока решил не говорить о санкции на арест.

– Так вы же меня отпустили.

– Да. Но вы не явились за документами. Сейчас речь идет о попытке совершить квартирную кражу.

– Это ещё доказать надо, – серьезно сказал Бердышев.

Взгляды их встретились: настороженный, со скрытой враждебностью, Бердышева и внимательный – Николая.

В конце того же дня Пригунов с милиционером и Бердышевым поехали в район пивзавода. Небольшой домик Бердышевского зятя стоял на окраине поселка. Зять оказался дома. Он встретил Бердышева в сопровождении милиционера без особого удивления.

Пригунов заговорил с зятем:

– Это ваш дом?

– Купил семь лет назад.

Документы Гришина Петра Ивановича оказались в порядке. Все семь лет он работал на одном месте – слесарем на пивзаводе.

– Жена на работе? – спросил Николай.

– Нет. С дочкой в баню ушли. Она работает только утром – уборщицей.

– А её документы можно посмотреть?

– Должны быть... – Гришин порылся в стареньком комоде, достал паспорт жены Гришиной Прасковьи Ивановны, она была на шесть лет моложе брата. Но Николай обратил внимание на другую запись, место рождения Гришиной – деревня Алаколь, Андреевского района, Алма-Атинской области. Тут что-то не так. Пригунов вернул паспорт. В квартире чужих вещей не обнаружено.

Первое, что сделал Николай по возвращении в отдел, это посмотрел паспорт Бердышева. Подозрения подтвердились, брат и сестра, судя по документам, родились не только в разных деревнях, но и в разных районах. Почему такое расхождение?

– Проверять нужно их документы, – докладывал вечером Смирнову, – не чисто там... Запросы хочу сделать.

– Это правильно, но учти, время у тебя мало, даю сутки, не уложишься, выпустишь Бердышева. И ещё, коль собрался запрашивать, поинтересуйся характеристикой Бердышева из колонии, в которой он отбывал срок.

Не откладывая, Пригунов, отправил телеграфный запрос в колонию, а ещё через пол часа договорился по телефону с Саркандским оперативным отделом о проверке паспортных данных на Бердышева. Уже к вечеру оттуда позвонили и сообщили, что в деревне Антоновка семья Бердышевых ни до революции, ни после, не проживала.

Бердышев врал... Но как могли появиться эти данные в паспорте? Николай не спешил с допросом Бердышева, но перевел его в следственную тюрьму, предъявил ему санкцию на арест.

– Санкция, так санкция – все бумажка. Зря таскаете меня, – выразил свое отношение к решению прокурора Бердышев.

А колония молчала. И Николай снова пошел к Смирнову.

– Иван Алексеевич, колония, в которой отбывал наказание Бердышев, находится на территории нашей области. Разрешите мне съездить туда? – и выложил ещё один козырь в пользу командировки. – Кроме того, село Алаколь, указанное местом

рождения Гришиной, всего в ста километрах от колонии. Так, что и её проверю.

Смирнов дал добро на командировку и поблагодарил за проявленную самостоятельность.

...Характеристика на Бердышева в колонии была самая отрицательная, постоянно уклонялся от работы, был груб, особо отличала его склонность к побегу. Установить его подленное место рождения тоже не удалось, так как данные о рождении были вписаны в справку об освобождении на основании приговора. А судился Бердышев в Караганде... Оставалось село Алаколь. Но и там Николая ждало разочарование, семью Бердышевых не знали и здесь.

– Я тут с девятнадцатого года, – говорил ему молодой председатель сельского Совета, – коллективизацию проводил в этих местах. О Бердышевых не слыхал и вблизи лежащих селах.

– А если поговорить со старожилами? – не сдавался Николай. – Бердышевы могли здесь жить и раньше, до революции, положим. У меня и фотография его есть. Вот.

– Не видел такого, – ответил председатель, внимательно глядясь в фотографию. Заметив, что Николай помрачнел, приободрил: – А старожилы обязательно спросим.

После обеда председатель повел его к Савелию Захарову. Из активистов самого первого Совета. Он сейчас не работает, ревматизм его замучил, да и года вышли. Если что и делает, так больше по дому, а то с внучатами возится.

У дома Захаровых их встретил бойкий мальчуган:

– Дед дома? – спросил его председатель.

– Хворает. Поясница отнялась, лежит.

Савелий встретил гостей с извинением, с трудом сел на постели, всунул ноги в теплые валенки.

– По делу к тебе, дядя Савелий, – после приветствий приступил председатель. – Вот товарищ из Лепсов, человеком одним интересуется.

– А фамилия какая? – спросил Савелий.

– Бердышев.

– Бердышев..., – Савелий упер бороду в грудь, замолчал не на долго. Покачал головой, только потом сказал, – нет не припомню такой фамилии.

Председатель посмотрел на Пригунова, тот вытащил фотографию Бердышева, протянул Савелию.

– У нас вот ещё что есть. Может по ней узнаете? – показал Пригунов фотографию.

Савелий взял фотографию, огляделся беспокойно и обратился к мальчику:

– Васька! Поддай-ка мне очки, в горке они где-то...

Приложив очки к глазам, Савелий долго всматривался в фотографию, а потом удивленно сказал:

– Слышь, ребята, а я ведь видел где-то этого мужика. Ей-богу, видел! А вот где? – казалось, он спрашивал не только себя, но и гостей. Потом вздохнул:

– Не могу вспомнить.

Он отдал фотографию. Теперь её не на долго взял председатель, удивился:

– Вроде я наш народ знаю...

– Ребята! – вдруг встрепенулся Савелий. – А если вам такую шутку испробовать? Ты должен знать её, – обратился Савелий к председателю, – Мария-костоправка. Она, почитай, всех деревенских перещупала – то кости правит, то бабам ослабляться помогает, то ворожит... А память у неё не насколько не замутилась. Она скажет, и кого где крестила, и кого отпевала, и родню, у кого на отшибе живет, знает... Все помнит. Вам непременно к ней надо.

– Где её найти? – спросил Николай.

– Я её знаю, Николай Варламович, – тронул за рукав Николая председатель. – Здесь не Москва, найдем.

Председатель повел поиск по-своему. По дороге к сельсовету выловил на улице с десяток ребятешек и послал их по деревне. Не прошло и получаса, как Мария-костоправка была обнаружена.

– И что у вас за дело срочное? – удивилась она, зайдя в сельсовет. – Какая от меня польза может быть, от старухи?

Председатель коротко объяснил:

– Человека не можем найти нужного. Савелий Захаров встречал, а где не помнит, ты должна знать.

– Вот че! А что за человек-то?

– Бердышев фамилия.

Мария как будто испугалась, хотя и ответила сразу:

– Сроду не слыхала.

– Вот фотография, – протянул ей снимок Николай.

Мария отвела фотографию подальше, разглядывая. Нахмурилась, и снова на её лице мелькнул испуг:

– Вроде и мне знаком, только старый... Как фамилия назвали?

– Бердышев.

– Нет... А звать как?

– Афанасий, – ответил Николай, добавил – Иванович.

– Так это не Бердышев никакой, – подняла на него ясный взгляд Мария. – Это Кашеваров Афанасий должен быть.

– Какой Кашеваров? – спросил председатель.

– Этих Кашеваровых и нет уже давно в Алакуле. Как гражданская утихла, так и они пропали.

– Ты объясни толком, – занервничал председатель.

– А ты пойдй обратно к Савелию. Он в те годы активистом по деревне ходил. Он лучше меня знает...

Второй разговор у Савелия получился другим. Глядя на фотографию, он только удивился:

– И как это я опростоволосился? – и стал рассказывать:

– Кашеваровы были из коренных жителей. Хозяевали крепко, имели больше ста десятин земли, держали работников, но на немали ещё до десятка сезонников. В хозяйстве держали девять лошадей, много скота, завели машины, торговали мануфактурой.

В девятнадцатом году два старших брата Кашеваровых добровольно вступили в армию Аненкова. Старший Петро, как ушел, так и не объявлялся более в Алакуле. Говорят, сгинул на

той войне. А второй – Афанасий запомнился всем. Он появился в родной деревне при офицерских погонах и с отрядом следственной комиссии. Две недели и пробыл в деревне, а беды принес – не обсказать... Четверых активистов расстрелял, а пятого сжег в доме вместе с семьей. После учиненного разбоя Афанасий Кашеваров из Алакуля ушел, а в двадцать втором году вдруг вернулся снова. Но теперь уже присмиривший, и в маломальской одежонке, видно жизнь потрепала его.

Какие были у него намерения, никто не знал. Но мужики, посоветовавшись, на другой день сочинили на бывшего карателя заявление и отправили ходока в Семипалатинск. Через день ходок вернулся в Алакуль с двумя вооруженными оперуполномоченными, но Кашеварова и след простыл, кто-то видно, проговорился о заявлении.

– Сказывали, – припомнил Савелий, – что скоро его изловили где-то, но он из под стражи бежал, с концом сбежал.

– А родственники его ведь здесь жили, с ними то что? – спросил Николай.

– Иван-то Кашеваров, отец их, ещё до революции овдовел. Когда Советская власть пришла, он уже плохой стал, правую половину у него отняло. А как белых прогнали, он вскорости и вовсе помер. Девка ещё у них была, так ту то ли в Антоновку, то ли в Аягуз какая-то дальняя тетка забрала. Так и кончились Кашеваровы в Алаколе.

Через два дня Пригунов приехал в отдел, доложил Смирнову о результатах поездки и спросил разрешения поехать в Алматы, в городской архив НКВД, может там какие имеются документы на Кашеварова.

– Хорошо, – согласился Смирнов, – поезжайте. Вы уже показали себя зрелым чекистом.

На следующий день Николай в областном архиве нашел дело Кашеварова. Открывало его большое заявление крестьян Алаколя.

После революции, когда города России оказались в плену голода, в деревню пришли продотряды. Хлеб брали у тех, кто

старался обратить его в наживу через спекулятивный рынок. Появился такой отряд и в Алакуле.

Приход его ознаменовался коротким общедеревенским митингом с речами в пользу мировой революции.

Но слова словами, а запоры на хлебных закромах бывают разные. Отдавали хлеб мужички покрепче, делились зерном по мере сил и бедные. Но семья Кашеваровых сказала, что хлеба у них нет. Сказала в глаза всей деревне, которая недавно ходила у них в долгах, кланялась в пояс и унижалась.

Но хлеб у Кашеваровых нашли, восемьдесят мешков пшеницы погрузил отряд из кашеваровского тайника. Налитыми кровью глазами провожали те телеги Кашеваровы. Потому-то, наверное, когда пришел Аненков, два брата Кашеваровых ушли к нему добровольцами.

А вскоре явился в Алакуль конный отряд Афанасия Кашеварова. Не спрашивал Афанасий, кто здесь враг, а кто друг. В тот же день деревенские активисты оказались под замком и охраной.

Но не хотел каратель начинать расправу без главного обидчика своего, бывшего батрака в их хозяйстве – Петра Гаврилова, который открыл тогда продотряду тайные кашеваровские сусеки с зерном.

А Петр спрятался, и жену свою Марию с дочкой укрыл у надежных людей.

Четырех арестованных Афанасий допрашивал целый день, палками били, обливали водой, опять били. Толи не знали мужики, где схоронился Петр, то ли не хотели выдавать, только на следующий день привели их к дому Петра Гаврилова, поставили в ряд, и Афанасий последний раз спросил про Петра. Молчали мужики. И тогда Афанасий подал сигнал своим помощникам. Те выдернули шашки. И в это время в окне гавриловской избы появился сам Петро.

– Не тронь мужиков, Афанасий, – крикнул он, – они не виноватые и ребятишек у них по многу. А я дома, хотя тебе, паразит, живым не дамся!

Один из карателей рванулся было к избе, но тут же запнулся о выстрел, который прогремел ему навстречу. Не стал убивать Петро солдата, только предупредил. Никого такое не удивило, многие знали, что Петро воротился в восемнадцатом году раненый, но с винтовкой. Видно сберег её.

– Слышь, Афанасий, – кричал Петро, – отпусти мужиков. Воюй со мной, зверь, если хошь!

Замер Кашеваров на минутку. Потом коротко распорядился, и конные рванулись к четырем стоявшим мужикам. Взметнулась пыль по среди улицы, с хрипом завертелись кони на одном месте, сверкнули на солнце шашки, а когда всадники отскочили в разные стороны, те, кто стоял, уже лежали на земле.

Кто-то из баб, кого могли нести ноги, с воем бросились в сторону от толпы, но большинство остались на месте, замерев. Помощники Афанасия уже палили по окнам гавриловской избы. Стрельба стала стихать. Но из избы послышался голос Петра:

– Что, не напился ещё кровушки, Афанасий?

Кашеваров снова распорядился. Часть его людей осталась на месте с ружьями, другие побежали по ближайшим дворам, вернулись с охапкой соломы, стали обкладывать гаврилову избу.

И тут все увидели Марию, жену Петра с девочкой на руках, она подошла к своей оградке, зашла во двор. Никто не остановил её. В воротцах она обернулась, сказала:

– Афанасий, твой-то отец ведь крестный наш...

Кашеваров упер в неё ненавидящий взгляд, с хрипом выдавил из себя:

– Иди... Скажи своему голодранцу, пусть выходит. А то я перекрещу вас на свой лад!

Мария поднялась на крылечко, ещё раз обернулась и толкнула дверь в избу. Улица притихла.

– Начинай! – кому-то крикнул Афанасий.

Изва Петра начала окутываться дымом. Потом огонь по углам добрался до тесовой крыши и забегал по ней красными кошками. Пламя бралось круто.

В толпе то и дело вздымалось что-то похожее на вздохи. Не может деревенский мужик молча глядеть на огонь, ему бы броситься на него... Но толпу отгородили вооруженные люди, которым смерть нипочем, четверо уже лежали перед ними. И люди молча глядели перед собой. Крыльцо уже занималось, когда Мария с девочкой на руках появилась в темном проеме двери.

А! – злорадно прорычал Афанасий, толкнул коня к оgrade, – жарко стало?

Он вытянул навстречу женщине руку, хлопнули один за другим выстрелы. И Мария отшатнувшись, опрокинулась в сени.

Толпа, охнув, вздрогнула. А через мгновение люди бежали, наскакивая друг на друга, бежали без крика, объятые ужасом. С темнотой ни в одном доме Алакуля не зажигались окна. Толпа на большом кашеваровском подворье не утихала гульба, взрываясь то руганию, то песнями под осипший голос гармошки, а то вдруг и бабьим криком.

На две недели оцепенела деревня. Никто не видел как прибрали изрубленных мужиков, никто не решался пойти на петровское пепелище – там пожар управился совсем без людской подмоги. Кашеваровский дом стали обходить стороной.

Николай временами ненадолго отрывался от документов. Казалось, едкий дым начинал застилать от него строки крестьянского заявления Алакуля, давил на душу криками людей, стрельбой, пьяной гульбой после страшного дня. Он дошел до того листа, подшитого к объяснению, в котором сообщалось, что Афанасий Кашеваров арестован в одной из деревень Андреевского района, и, что по дороге в Алма-Ату Кашеваров сбежал из под конвоя. Николай ловил себя на мысли, что постоянно думает о Кашеварове. Он думает, не о его прошлом, которое не вызывало в нем ничего, кроме жажды возмездия, ни тем более о деле, которое увело его в эту командировку. Николай пытался понять жизнь Кашеварова, который не мог не знать, что зло, причтенное им людям, поставило его вне закона, лишив всякой надежды на пощаду. Почему он цепляется за такую жизнь? А может

у него была цель, ради которой он хотел остаться жить? И как она соотносится с жизнью обыкновенного, всеми презираемого мелкого уголовника, вора, каким только и представляется Кашеваров? И опять ответа не было.

После доклада Смирнову он уселся за стол и сосредоточенно занялся папкой Бердышева-Кашеварова, приводя в порядок новые документы. После обеда Николай доложил свои соображения Смирнову, которые сводились к тому, что сейчас, когда Бердышеву-Кашеварову уже можно предъявлять серьезные обвинения по его прошлому, дальнейшее его содержание под стражей вполне оправдано.

– Я не хотел бы торопиться, – говорил Николай, – мне кажется, что за Бердышевым – Кашеваровым есть и другие преступления, о которых мы не знаем. Надо попытаться их установить. Вообще прошу ещё неделю...

Смирнов не торопился с решением. Но он присматривался к Николаю, видел его волнения. Заметил и то, что молодой сотрудник охвачен какой-то новой, ранее неизвестной ему, его начальнику, решимостью, решимостью осмысленной. Это был порыв, и Смирнов не хотел тушить его, своими сомнениями.

– Николай Варламович, ты пока делай, что наметил, – по обыкновению просто и буднично посоветовал он, – что касается срока твоей работы, то ты знай, если возникнет необходимость продлить его, мы что-нибудь придумаем.

Через час Николай приехал в мастерские пивзавода, где работал зять Бердышева-Кашеварова, Петр Гришин. Тот, увидев Николая, не удивился его появлению, и тогда Николай заговорил с ним просто:

– Я насчет Бердышева к вам.

– Понимаю, – коротко ответил Гришин.

– Вы когда женились? – спросил Николай.

– А что? – почти растерялся Гришин, стал подсчитывать. – Так... Девочке у нас двенадцать годов... Значит тринадцать. Выходит в двадцать шестом.

– Да я не о том..., – Николай тоже смутился немного. – Когда вы познакомились с Бердышевым? На свадьбе?

– Нет... Там только тетка была.

– Из Сарканда?

– Нет из Долматова.

– А когда вы впервые увидели Бердышева?

– У неё же. Он объявился там года через полтора после нашей свадьбы. Говорил в Сарканде живет, где-то на элеваторе робит.

– Слушайте-ка, – решил Николай, – поедемте к вашей жене. Она дома?

– Где ей быть? Поехали, раз надо, – согласился Петро. – А бригадир что скажет?

– Не беспокойтесь.

Прасковья Ивановна говорила с Николаем откровенно. Судьба старшего брата, казалось мало волновала её.

– Меня из дома тетка забрала в девятнадцатом году, когда отец умер. С той поры я жила в Долматове. Афанасий первый раз заезжал в году двадцать четвертом из Средней Азии, говорил в городе Чарджове жил. И тогда у него фамилия не своя была – Тушков или Трушков, не помню точно.

Его ещё тетка спросила, почему такая фамилия. Он сказал тогда, что со своей-то ему жить нельзя и не стал ничего объяснять. Она подумала, а потом решилась: – У него и Воробьев фамилия была, это уже в то время, когда колхозы пошли. Из Томска приезжал тогда. Метался, вобщем, он все время. Ни кола, ни двора у него не было. Мы никогда не знали, где он живет, чем занимается. А в этом году нас здесь нашел, в Лепсах. Через тётку, наверное...

Из тюрьмы сообщили, что Бердышев ведет себя спокойно и даже спрашивает, почему его не ведут на допрос. На другой день Николай решил увидеться с ним.

– Спрашивали? – обратился он к арестованному, когда его ввели.

– Так ведь время, – сказал Афанасий. – Хотели решать, так доказывайте.

– Вот я и пришел за этим, – стараясь быть равнодушным, ответил Николай. – Вы, по прежнему отрицаете свою вину?

– Отрицай не отрицай, вы – народ упрямый. Власть. Знаю, надумали посадить – посадите, – рассуждал Афанасий, а Николай видел, как нервничал, как выдают его глаза, в которых пробивается тревога. Он старался скрыть её, но не мог. И, как обдуманное заранее, стал вдруг торговаться:

– Допустим, я возьму эту дохлую попытку за кражу... Сколько мне отпустите, год? Полтора?

– Мало, гражданин Кашеваров...

Кашеваров окаменел. Казалось в нем умерли все чувства. Он смотрел на Николая, но Николай был почти уверен, что тот в этот момент не видит ничего.

– Это тоже надо доказывать? – спросил Николай Кашеварова.

Вопрос, видимо помог Афанасию прийти в себя.

– Что доказывать?

– Что вы Кашеваров. Что семнадцать лет вас ищут, а вы бегае-те по всей России и прячетесь по тюрьмам под чужой фамилией?

Кашеваров, все ещё ошеломленный, не мог выговорить ни слова.

– У меня есть заявления от ваших земляков от двадцать вто-рого года, – сказал Николай. – Там про вас все написано. Был я позавчера у них, есть ещё люди, которые хорошо помнят и вас и ваши дела. Если этого недостаточно, могу организовать вам очные ставки с ними, Алаколь близко.

– Не надо! – Афанасий вскинул руки и бессильно уронил их на колени. – Ох дурак! Ох дурак!

– Это вы про кого? – спросил Николай.

– Про себя... Ведь сразу почуял неладное, когда у Полины взяли! Ещё подумал, зачем этот зеленый с лягавыми пришел? Зачем на базаре от кражи отказался? Сейчас бы сидел спокойно в тюрьме, как человек.

– Здорово! – вдруг вскипел Николай. – Как человек!

– Да, вор я, вор! – вскипел Кашеваров. – Нету Кашеварова,

нету! И не ответчик он больше за старое, амнистирован! Еще двенадцать лет назад снято с меня властью!

– Ошибаетесь. На ваших руках кровь! Амнистия не для таких, как вы. Еще раз спрашиваю – очные ставки нужны?

– Нет, не надо, – окончательно сник Кашеваров...

Аненковский доброволец Афанасий Кашеваров сразу обратил внимание на себя крайней жестокостью по отношению к тем, кто сочувствовал революции. С особым усердием вылавливал по деревням родственников тех, кто служил на стороне революции и организовывал советы, глумился над ними, старался кончать дела расправой.

После разгрома Аненкова, Афанасий Кашеваров не решался объявиться в родных местах. Ненависть к Советской власти, подогреваемая осознанием полного поражения и утраты надежд на возвращение старых порядков, в первое время увела его в банды, состоящие из таких же недобитков, как и он сам. Эти банды, лишённые всякой поддержки населения, оперались на отдельные контрреволюционные элементы, и почти сразу превратились в шайки отъявленных уголовников, промышлявших грабежом и разбоем, обитающих в лесах и покинутых выселках.

Особую ярость у них вызывали крестьянские кооперативы и товарищества по различной взаимопомощи, в которой уже прямо угадывалось стремление бедноты строить свою жизнь по новому. С руководителями таких объединений, как и представителями власти, при случае они расправлялись с особой жестокостью.

Но власть крепла. Она не оставляла без внимания ни одного злодеяния. Даже самое короткое появление не только в лесах и деревнях, но и вблизи, превращались для них в смертельную опасность, потому что они уже не рассчитывали на пощаду. Они готовили налеты и засады, а люди старались сделать так, чтобы те попали в них сами. Каратели все чаще находили бесславленную гибель. Другие, уставшие от такой жизни, бежали кто куда, надеясь хоть где-нибудь найти неприметный приют, прижаться, уйти от расплаты, уцелеть. По-воровски тихо, улучшив удобный мо-

мент, откололся в начале двадцать второго года от своей шайки и Афанасий Кашеваров.

А куда податься?

Желание побывать дома, как на стену, наталкивался на страх, память услужливо вытаскивала из прошлого кровавое лето восемнадцатого года. А побывать, так надо было! Не родные места тянули его. Уже ничего к тому времени не осталось у него в душе родного, да и отца-старика хотел видеть не для того, чтобы излить свою тоску по человеческому житью. Знал Афанасий, что водилось у старика золотишко. Больше всего-то и рассчитывал, что поможет ему в черную пору родитель. Деньги всему начало, с ними и осесть полегче. Не видел другой дороги Афанасий. С тем и переступил свой страх. А когда явился, все внутри упало. Дом встретил пустотой. Куда сунуться? Вспомнил о безродной старухе Фекле, укрылся у неё. Да разве в деревне спрячешься? Сама-то Фекла, увидев его, испугалась, на «здравствуй» не ответила, только охнула: «За что, господи?!». День у неё промаялся, кое-что узнал о родителях. Отец умер. А к ночи Фекла засобиралась из дома. Добром ничего от неё узнать не смог, тряхнул слегка, и та призналась: «Придут за тобой, поди и стрелять начнут».

Пришлось поспешно уходить самому. Пришёл трусливым, уходил злым. До Средней Азии добрался тогда, в Туркмении оказался. Хотел оттуда через Каспий на Кавказ добраться, да так и не смог, по дороге не удержался, украл двух лошадей. Попытался продать на базаре, тут его и поймали. Был бы туркменом, может и сошло бы. А то русский, да незнакомый, и торгует лошадьми. Эту промашку ему уже в тюрьме объяснили. А когда забрали, документов не было, назвался Тушковым. Проверять долго не стали, записали со слов. Под такой фамилией и срок отбывал. Освободился и паспорт получил по справке. Кроме того, проживал в Петропавловске, работал грузчиком, увидел, как люди работают, как забывают лихое время, улыбаются, хорошей жизни ждут. Невыносимо стало, что все это его не касается, и тогда поджог зерносклад. Поймали, на этот раз получил во-

семь лет. Думал все. Но удалось бежать. Когда попался на краже, опять назвал другую фамилию...

Несколько раз умудрялся Кашеваров поменять фамилии, пока Николай Пригунов не вернул ему первую, с которой начал он свою противную людям жизнь – фамилию карателя Кашеварова.

За все свои злодеяния Кашеваров был осужден к высшей мере наказания – расстрелу.

Так кончаются все злодеяния против человечества, строящего новую счастливую жизнь.

Краткая биографическая справка Пригунова Николая Варламовича. Это мой отец, Полещук Николай Варламович, 1898 года рождения, участник военных действий первой мировой войны. После начала революции, перешёл на сторону революционеров, командовал полком. В двадцатых годах был направлен в Казахстан для организации коллективных хозяйств. В селе Саратовка организовал бедняцкое хозяйство, которое просуществовало до первой половины 1933 года. В 1931 году в Казахстане, да и всей России была большая засуха, хозяйство в 1932 году перестало существовать, и его направили на станцию Лепсы следователем. В 1937 году, трагически погиб.

БЕЛОГВАРДЕЕЦ

Следователь областного управления НКВД Губин вошел в кабинет. Когда раздался телефонный звонок, он подошел и взял трубку.

– Зайдите ко мне, – услышал голос своего начальника.

– Вот читайте, – сказал Зубцов, когда Губин вошел в кабинет и подал ему исписанный карандашом лист ученической тетради с прикрепленным к нему конвертом.

– В чем дело? – спросил Губин.

– Идите к себе, прочитайте внимательно, потом доложите свои соображения, – проговорил строго Зубцов.

Придя в свой кабинет, Губин занялся письмом.

«В отделение дорожно-транспортного управления ОГПУ станции Алма-Ата первая, от стрелка военизированной охраны Туркистано-Сибирской железной дороги Рыкунова».

Заявитель сообщал, что был свидетелем антисоветских выступлений кассира станции Лепсы Пинкина: «Пинкин, бывший офицер царской армии, служил в пограничной части Семиречинской области, был участником походов белой армии генерала Аненкова, занимал должность помощника командира полка по хозяйственной части».

После обеда Губин зашел в кабинет начальника управления и представил план проверки заявления Рыкунова. План был одобрен.

Губин ранним утром следующего дня направился к начальнику штаба войск военизированной охраны.

– Есть такой, – сказал начальник отдела кадров, просмотрев списки, – но он не здесь несет службу, а на станции Лепсы, а в чем дело, если не секрет? Может вызвать сюда?

– Здесь нет ничего секретного. Стрелок Рыкунов не только отличник боевой и политической подготовки, как вы сказали, но он ещё и бдительный товарищ, и вызывать его сюда нет необходимости. Я сам выеду к нему...

До станции Сарыозек Губин ехал на резервном паровозе, а дальше – в теплушке раздатчика главного материального склада.

В поселке станции Лепсы направился к помощнику следователя Прыгунова, вместе с ним отыскиали Рыкунова.

Представившись, Губкин спросил:

Вы писали заявление в ОГПУ?

– Да, – ответил Рыкунов.

– Что за человек этот Пинкин? – спросил Губин.

– Уж больно подозрительный, поэтому я и написал вам о нем. Этаким здоровый, упитанный и все жалуется, что живется ему плохо. Новое в нашей жизни его будто бы не касается.

– А как вы с ним познакомились?

– Мы охраняем кассы и кассира, когда они получают деньги в госбанке и выдают зарплату.

Когда было окончено оформление протокола показаний заявителя, Губкин вместе с Прыгуновым, пошли в контору стройучастка, где работал Пинкин. В отделе кадров стройучастка личное дело Пинкина состояло из листка по учёту кадров и копия приказа о зачислении его кассиром бухгалтерии стройучастка с 22 мая 1932 года.

«Пинкин Артем Гаврилович, 10 октября 1881 года рождения, уроженец города Барнаула Алтайской губернии, русский, гражданин СССР, беспартийный, семейный, на станцию Лепсы, приехал из Семипалатинска». Губин пролистав ещё несколько личных дел, вернул их кадровику.

– А не сможете ли вы показать нам все помещения конторы?

– Хорошо, пойдёмте, – сказал начальник отдела кадров.

Они побывали во всех помещениях конторы. В большой комнате, занятой бухгалтерией, увидели огороженный барьером угол, сейф и за столом Пинкина. На смуглом, мясистом лице Пинкина заметно выделялся крупный вздернутый нос с пышными каштановыми усами, подковой обрамляющими углы рта. Дав указание Прыгунову о негласном наблюдении за Пинкиным, Гу-

бин к следующему утру возвратился в отделение и немедленно пошел докладывать Зубцову о результатах своей поездки.

– Да-а... Сделанное вами пока ясности не вносит. Нет ответа на основной вопрос со стороны Рыкунова. А это вполне возможно, если учесть грубое обращение Пинкина с людьми. В дальнейшем не забывайте проверку взаимоотношения Пинкина с сослуживцами. Вначале поезжайте в Уштобе, в оперативном отделе возьмите себе ещё помощника – уполномоченного Депутатова. Он работник опытный, давно живет в тех краях, а потом поезжайте в Лепсы, и привлекайте к своей работе Прыгунова, он ещё молодой работник, но честный и хваткий. А я тем временем съезжу в отдел полпредства, надо порыться в материалах Гражданской войны, может что найдем о службе Пинкина у белых...

– Да, – задумчиво произнес Депутатов, когда узнал о цели его приезда.

– Давайте подумаем. С чего начать эту работу, – предложил Губкин. – В первую очередь меня интересуют люди, работавшие во втором строительном участке. Например, – Губкин вытащил из полевой сумки блокнот и начал читать, – бухгалтеры Шевченко и Воронцов, старший счетовод Понамарев и контролер Соколов. Сюда же во взвод стрелковой охраны недавно из Лепсы переведен стрелок Архипов. В Лепсах он часто нес службу по охране кассы строительного участка, где работал Пинкин.

– Стрелка Архипова я знаю, – сказал Депутатов, – сейчас он несет охрану моста через реку Каратал.

– Пожалуй, с него и начнем, – сказал Губкин.

– Хорошо. Я быстренько сбегаю к командиру, уточню, когда у него дежурство по графику.

Расспрашивая Архипова о делах по службе в отряде и о недостатках в организации охраны моста, Губкин заметил:

– Видать, вы здесь недавно?

– Да, всего два месяца, – отозвался Иван Петрович, – сюда меня перевели со станции Лепсы.

– А там какие объекты охраняли?

– В основном кассу второго строительного участка и кассира в день получения им денег в госбанке.

– А кто там работал кассиром?

– Пинкин. Из-за него-то и пришлось переехать в Уштобе.

– Почему?

– Поругался я с ним. На нашего брата смотрит свысока.

– Как так?

– Да вот так. По его мнению, мы не люди, а быдло. Так он назвал меня как-то, ну я его и отчитал. А командир, не разобравшись, признал меня виновным, ну и перевели сюда.

В этот день они с Депутатовым нашли несколько человек, родившихся и до недавнего времени проживавших в пограничных районах Семиречья. В их числе: кассир Савельев, уроженец Топалевского мыса Зайсанского района; стрелок местного взвода охраны Донцов, уроженец села Покровка Уржарского района; Митько из села Константиновка Лепсинского района.

– Не исключено, что они могли знать Пинкина по службе в белой армии, а возможно и раньше, – сказал Губин, – надо поговорить с ними.

Но два дня подобных разговоров ничего существенного не добавили к делу; перечислив ряд фактов враждебного поведения Пинкина, все эти люди заявили, что не знают его по событиям Гражданской войны. Губкин в этот же день выехал на станцию Лепсы и узнал от следователя Прыгунова непредвиденную неожиданность.

– Спустя дня два-три, как вы уехали, – рассказал Прыгунов, – Пинкин подал заявление о переводе его на работу в Матайский участок стройконторы. Чем он мотивировал свою просьбу, я не знаю, но начальство пошло ему не встречу.

– Может быть там места лучше? – спросил Губкин.

– Да что вы! Тут хоть река есть, летом купайся, сколько хочешь, круглый год рыбалка. А он, видно, старый рыбак. Не раз хвалился, что знает, где рыба водится, а там что? Один песок, – закончил Прыгунов.

– Что ж, выходит мы спугнули его, – задумчиво произнес Губкин и вновь обратился к Прыгунову.

– А жена его здесь?

– Нет, уехала вместе с ним...

«Не следовало нам ходить в контору стройучастка, – подумал Губин и тут же отбросил прочь эту мысль. – Вероятно, причиной его отъезда явилось что-то другое», – решил он.

Переночевав в доме Прыгунова и утром выпив стакан чая, Губин товарным поездом выехал на станцию Матай...

Убедившись, что по крайней мере в ближайшее время Пинкин не исчезнет из этих краев, он купил небольшой домик. Оба с женой устроились на работу и, переговорив с уполномоченным линейного отдела на станции Матай, Губин выехал в Алма-Ата.

Здесь его ждал сюрприз. Оказывается Зубов узнал, что в Жетысуйском губотделе ОГПУ уже в течении нескольких лет занимаются розыском Пинкина.

– Ну, Саша, тебе кажется повезло. Давай обговорим твои задачи, и поезжай в губотдел. Сегодня как раз в Алма-Ату на республиканское оперативное совещание приезжает Николай Лукич Маевский, в основном он занимается этим делом, он расскажет тебе, как и что делать. А затем поезжайте вместе с ним. Я это согласовал с его руководством. Рассмотрим все материалы, потом будем решать.

Зубов был в приподнятом настроении и, как всегда в таких случаях, не торопливо расхаживал по кабинету. Потом подошел к Губину и, подавая руку, сказал:

– Если вопросов нет, желаю успехов, и держи меня в курсе дел.

Николай Лукич встретил Губина радушно и заговорил первым:

– Так-так, – проговорил он протяжно, значит это с вами мы делали одно дело и, как вы видите, неплохо, – он встал и неловкой походкой, напоминавшей о тяжелом ранении в спину на фронте Первой мировой войны, направился к сейфу, вынул дело и подал Губину, – ознакомьтесь с материалами, потом обговорим, как и что...

Первым, что увидел Губин, была фотокарточка Пинкина с последующем документом, отпечатанном на машинке заявлением из села Бахты от Кудинова Леонида Ильича, адресованного коменданту 50-го отряда пограничных войск, написанного заявителем 26-го февраля 1926 года.

«В конце 1925 года, – писал далее Кудинов, – село Подгорное Лепсинского уезда подверглось неожиданному нападению белой банды, прибывшей из-за границы из города Чугучак Синзянской провинции Китая». Далее повествовалось, что Пинкин проходил службу в царской армии.

С 1914 года до февральской революции Пинкин, призванный в армию, оставался в Джаркенте, обучал новобранцев, стал поручиком. Социалистическую революцию встретил враждебно.

В справке указывалось, что скрываясь в Чугучаке, Пинкин узнал о возможном скором прибытии туда экспедиционной части Красной Армии, он понимал, что его строго накажут, если только чекисты узнают о его участии в карательных экспедициях в составе белых отрядов, бежал в Семипалатинск, где его задержали. На допросах он скрыл от следствия свое участие в карательных экспедициях. Действуя так, Пинкин надеялся на то, что чекистам не удастся опровергнуть придуманной им легенды, так как в Семипалатинске не было людей, знавших его по службе у белых. Но его осудили на два года принудительных работ, и он вернулся в Семипалатинск в 1922 году.

Среди документов 1925-1926 годов Губкин прочитал заявление Можаяева, жителей села Подгорное Приходько и Лященко, протоколы собраний партийных ячеек села Подгорного и Бахты, требовавших привлечения Пинкина к уголовной ответственности за убийство и истязания людей. Но командование 50-го пограничного отряда ограничилось, выслением его за пределы пограничной зоны.

– Материалы очень интересные, – сказал Губин, молча наблюдавшему за ним Маевскому. – И что вы предприняли дальше?

Маевский рассказал, что он начал дальнейшую проверку с поездки в Бахты, где в конторе банка встретился с однофами-

лицей Пинкина – Пинкиной Ольгой, которая рассказала, что от бахтинских жителей, а в частности от Апришкина, слышала, что Пинкин был казачьим офицером, в белых отрядах участвовал в резне крестьян и убил сына Апрашкина.

– Но главное в её рассказе не это, – продолжал Маевский, – а то, что она назвала людей, прямых свидетелей зверства, в первую очередь заявителя Кудинова. Она привела меня в небольшой рубленый домик. Увидев постороннего человека, хозяин насторожился, а когда я представился, он оживился и пригласил нас в дом, Кудинов начал разговор первым:

– Я давно хотел сообщить о нем, – заговорил он озабочено, – но все дела...

– Как мне сказали, вы работали с Пинкиным в банке? – спросил я.

– Из числа партизан, оставшихся в живых, – начал он после того как закурил, – сейчас в селе Подгорном проживают Петр Мажаев и Яков Мусяев. Командир наш Спиридон Мояко, хотя и не попал в плен, тоже знает о расстрелах и порках партизан из нашего отряда. В общем, – продолжал Кудинов, глубоко затянувшись дымом сигарки, – карательным отрядом Пинкина только в одном селе Подгорном было расстреляно 118 человек, не говоря о уже о покалеченных и забитых до смерти плетьюми...

– Здесь, в Бахтах, – заговорил спустя немного времени, – не выдержал я, надо было подождать, посмотреть, чем бы он занялся дальше... Я-то сразу опознал его. Правда, он немного изменился. Нет в нем прежней офицерской выправки и высокомерия, как-то осунулся, усы сбрил и одет был очень скромно. Устроился, значит, он кассиром. Тихий, такой усердный, ни с кем дружбу не водит... Как-то я выбрал момент, когда в конторе никого кроме нас не осталось, и говорю ему: «Ну, как ваше благородие, гражданин Пинкин, у вас того... кошки на душе не скребут?» От этих слов Пинкин вздрогнул, мелко задрожали руки, но виду не подал. А меня ещё больше пронзает неумное – боль от ударов

нагайки и ненависть к нему. «Если вы забыли меня, то я до конца дней своих не забуду этих зарубок», – сдернул с себя рубашку, и повернулся к нему спиной. После этого я Пинкина больше не видел. Говорят, уехал в Семипалатинск.

Маевский указал на документацию преступной деятельности Пинкина, собранную им в поселке Подгорном, Урджаре, Маканчи, Новопятитгорском, Благодаренском, Джаркенте. Здесь же находились справки о беседах Маевского с чекистами пограничного отряда в Бахтах, с коммунистами партийных ячеек в Подгорном и Бахтах, со многими гражданами, прямыми и косвенными свидетелями зверств, совершенных Пинкиным в станицах, селах и аулах северного Семиречья. Постепенно облик Пинкина прояснился до конца.

– Ну, а что вам известно о Пинкине? – спросил Маевский, когда Губин закончил чтение последней страницы дела.

– Собраны материалы о том, где он проживал и чем занимался после Гражданской войны. Показаниями двенадцати свидетелей, Пикин изобличается во многих фактах антисоветской агитации, организации диверсионных групп в годы индустриализации и коллективизации нашей стране...

Заслушав доклад Губина и Маевского, рассмотрев представленную ими документацию, прокурор санкционировал арест Пинкина и поручил дальнейшее следствие транспортным органам госбезопасности по Туркестано-Сибирской железной дороге.

Допрос гражданина Пинкина следователем госбезопасности Гавриловым.

Вопрос: – Гражданин Пинкин, расскажите, пожалуйста, где вы проживали в 1918-м году? Поясняю вам, что нам все известно, но разобраться нам в этом нужно вместе с вами.

Ответ: – В 1918-м году я проживал в Джаркенте, после того как установилась Советская власть, с женой бежал в Чугучак – бывшее русское торговое поселение, через которое торговала царская Россия с Цыньзянской провинцией Китая. По прибытию

в Чугучак, первое, что бросилось мне в глаза, это отсутствие свободных мест у коновязи резидента Долбежева, консула России. В Чугучак сбежались всякие беженцы из Семиречья, Сибири, Алтайского края. Город стал сборным пунктом белогвардейских сил объединившихся в целые отряды, создателем и руководителем был назначен консул Долбежев. После беседы с консулом мне было поручено организовать карательный отряд из беженцев разных мастей, занимался обучением новобранцев. Вслед за моим отрядом были сформированы отряды Полтаратского, третьим отрядом руководил хорунжий Виноградов, четвертым командовал полковник Бычков, пятым – подъесаул Ушаков. Формируя эти отряды, Долбежев подготавливал их переброску в советское Семиречье. Большую часть своих усилий направлял на сбор информации о положении в этом крае, используя в этих целях осведомленность беженцев, выявляя в этой среде смысленных людей для ведения подрывной работы в селах и, особо в казачьих станицах пограничной зоны, сбору шпионской информации в красноармейских частях, их базах, вооружений.

Когда в июле 1918-го года интервенты и белогвардейцы захватили северо-восточный Казахстан, а потом наступали на Семиречье, в это время наши отряды были брошены так же на Семиречье.

«Поручик, – сказал Долбежев, обращаясь ко мне, – вы должны вести свой отряд на укрепления Бахты. Под покровом ночи мой отряд перешел государственную границу и к восходу солнца вошел в Бахты. К этому времени в поселке началась беспорядочная стрельба. Мой отряд развернулся, открыл огонь и через час с мятежными гражданами Семеновым и Калюжным овладели укреплениями Бахты».

Пинкин задумался.

Следователь: – Ну, что же вы, рассказывайте дальше, чем занимались в занятых Бахты?

Пинкин собрался с духом и продолжил: «Когда мы вошли в Бахты, то нам поручик Колюжный показал пленных и сочув-

ствовавших Советской власти. Среди них был и большевик Голиков, назначенный Советским правительством консулом в Чугучаке, его сотрудники, конвой и пятнадцатилетний сын Голикова. После захвата Бахты сюда прибыл Джанибеков, он приказал мне возглавить их казнь. Мы вывели их из Бахтов и по дороге на Топалевку, в урочище Узунагаш, некоторых расстреляли, некоторых раненых бросили в ямы, ими же вырытые, и закопали.

Следователь: – Дальше что делали и чем занимались?

Пинкин: – Я устал и больше ничего не знаю.

Следователь: – Хорошо, дело передаем в суд, достаточно и этого эпизода, чтобы вас наказать...

Допрос свидетеля: – Гражданин Яков Мусяев, что вам известно о бандитизме задержанного Пинкина Артема Гавриловича?

Мусяев: – Захват села Подгорного начался с поджога. Бандиты подожгли несколько домов и скирд собранного на зиму сена, с беспорядочной стрельбой ворвались в село. Пинкину кулаки передали списки большевиков и всех сочувствовавших Советской власти. Бандиты врываются в дома, ударами прикладов и нагаек выгоняли на улицу всё взрослое мужское население. Свыше 60 человек они выводили на площадь со связанными руками. Пинкин, заглядывая в списки, называл фамилию, и, если человек среди задержанных – его отводили в сторону. Некоторых из задержанных валили на землю и били нагайками, где досталось и мне. Часть задержанных, по особому списку, находящемся у Пинкина, запирали в амбаре. Утром их вывели на середину села, на большую площадь. Неподалеку на площади восседал Пинкин, и, вновь назначенный командир отряда, Семенков обратился к нему с вопросом: «Что будем делать с этими?» Пинкин ответил: «Я знаю их всех, они заражены большевизмом, их расстрелять». В этот день на глазах у всех были зверски избиты нагайками еще человек двадцать, а остальных они повели за село в сторону Маканчи, и в одном из логов расстреляли их и, страшась уже мертвых, изрубили – всего 23 человека. Потом Пинкин повел свой отряд в село Маканчи, где уже находилась банда

хорунжего Виноградова. Там их застал, прибывший из Верного, красногвардейский отряд Ивана Мамонтова. Окружив Маканчи, Мамонтов на рассвете начал наступление и разбил их на голову, остатки разбежались. Пинкин, спасаясь от гибели, укрылся в овощном погребе, потом ночью ушел в Чугучак. И снова, как после бегства из Джаркента, Пинкин утром принял командование офицерским взводом в отряде генерала Якушева, и тот назначил его комендантом в Бахты.

Прибывший вскоре на этот фронт атаман Аненков назначил Пинкина заместителем командира полка по хозяйственной части. Поручик вновь воевал на Семиреченском фронте против Красной Армии, и большое усердие проявлял в борьбе против героических защитников Черкасской обороны.

«Встать, суд идет». Все встали, встал и Пинкин, худой, он казался еще выше ростом, руки опущены. Суд приговорил Пинкина к высшей мере наказания – расстрелу без права обжалования суда. На второй день, на площади, где он приговаривал крестьян к расстрелу, приговор в присутствии жителей села был приведен в исполнение.

Мои стихотворения написанные в 2017 году.

ОГОНЬ НА МЕНЯ

Сирия. Чужая земля.
Там служил офицер Прохоренко,
Корректировал залпы огня.
Гудела земля помаленьку.
С позиции уйти он не мог,
Был окружен врагами.
Ранен был, но силы берег.
И отдает приказ открытыми словами:
«Слушай команду! Огонь на меня!
Ребята, меня не жалейте.
Ну-ка, пожарче, подайте огня,
Не мажьте... Без промаха бейте!
Живите, ребята... Завидую вам.
Папиросы мои раскурите,
Всем налить по сто грамм,
А маме и жене письма напишите.
Слушай команду, огонь на меня!»
Загудела земля в пушечном гуле,
На могиле Героя в сиянии дня,
Стоит тишина в карауле.
В мирных днях живите,
Никогда не забывайте их.
В каждом сердце берегите,
Имена павших и живых.

Я СВЯЗНОЙ

Я связной между той и этой жизнью,
Которую защищали мы с тобой.
Не щадили свои жизни,
Без побед не возвращались домой.
Я связной! Гордо брожу по земле,
Рассказы пишу, сочиняю стихи,
Память людям, солдат, несу о тебе.
Чтоб нас не забыли в тиши.
В Сирии, Олег Пешков
В самолете был сбит на войне.
И замолкшее сердце
Вновь забилося во мне.
Стали сниться дороги военной поры,
Где судьба нашей юности спета.
И летят те дороги с вечерней зори,
Через память мою до рассвета.

СНЕГОПАД

Такого обильного снега,
В жизни я не видал никогда.
Не видывал сроду, чтоб с неба,
Вот так, за звездой звезда.
Срывались и падали хлопья
Не камнем, а плавно паря.
Лучами за воздух цепляясь,
На прочную ткань декабря.
Он, конечно, когда-то растает,
И лед на дороге, и наст...
Но звезд горячая стая
Падает пеплом на нас.
Туча очевидно осела,
Осела и мне на терадь.
Светает... Хорошее дело,
Пора идти снег убирать.

ЖЕЛЕЗНАЯ СВАДЬБА

Шестьдесят пять лет вместе
Прожили мы с тобой.
Всегда я возвращаюсь, как к невесте,
С работы домой.
Я знаю, меня ты ждешь,
В любые дни и ночи.
И даже повод не даешь,
В чем-то сомневаться очень.
И в молодости ты меня ждала,
В командировках когда был я.
Четыре сына ты мне дала,
И вместе поднимали их любя.
Мало занимался я детьми,
Нас этому в детстве не учили.
Но выросли они людьми
И уважать нас научились.
Хочу я в детях найти единоверцев,
Чтоб к внукам шла связующая нить.
Родителей и братьев, как собственное сердце,
Нельзя забыть, дать в долг иль заменить.

РАЗГОВОР

Встретились три одиночества:
Один с Югры, двое живут в Москве.
На курорте с названием «Отрочество»,
Повели разговор о житье:
– Как вы живете на Севере диком? –
Спросили его москвичи.
– Почему считаете Север диким? –
Ответил парень с Югры.
– Живем, как все люди России,
Добываем нефть и газ.
Миллиарды рублей отдаем России,
Тяжело вам прожить без нас.
Города строим, заводы,
Богатства берем из земли.
Олово, медь берем от природы,
На переکور судьбе.

НИЖНЕВАРТОВСК

Без устали смотрел бы я
На твой рассвет, Югория моя.
Хочу, чтоб видели, как днем,
Глаза и в сумраке ночном.
И днем и ночью готов
Я насыщать и взор и стих.
Нижевартовск – родина цветов,
Цветущий сад надежд моих.

РУССКИЙ НАРОД

С берега высокого, как с кручи,
Я гляжу на Обь. Сколько рек
С Обью сливается могучей,
Чтоб не разлучаться с ней на век.
Обь – река, далеко разлившись,
На просторах русской широты.
С сестрами в пути соединившись,
С каждым днем становишься богаче ты.
Схож с тобой широкой, полноводной,
Наш русский изумительный народ,
Он, как ты, великий, благородный,
Друзей своих ведет вперед.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

(в честь 84-летия любимой жены)

Сегодня в день рождения твой,
Желаю сердцем и душой,
Здоровья, радости и смеха,
Во всех делах твоих успеха.
Желаю быть всегда счастливой,
Доброй, милой, терпеливой.
Быть подольше молодой.
Лет до ста без старости,
Прожить рядышком со мной.
От юбилея в жизни не уйти,
И не поймашь его как птицу.
Но главное сквозь годы пронести,
Тепло души, любви частицу.

К ДНЮ ПОЖИЛЫХ

Те годы не могут повториться,
Юность не вернется никогда.
И туманнее и реже снятся
Нам военные, жестокие года.
С каждым годом меньше очевидцев,
Тех страшных, военных дней.
Наше сердце научилось биться,
И спокойней и ровней.
Что теперь мы сможем? Что сеем?
Полюбив спокойную страну.
Незаметно медленно стареем.
В этом чудном старческом дому.
Дом приюта – эти зданья,
Жизнь покоя в них течет.
Отдыхают здесь страданья,
И живут за казенный счет.
Что сказали врачи – не важно.
Но здоровье беречь велят.
Новый мир берегите отважных,
Нестареющих дьяволят.
Как мы людям всем необходимы,
Как мы каждой душе близки,
И с рожденья мы непобедимы
Мы, России нашей старики.

МАМАЕВ КУРГАН

Семьдесят два года назад
Здесь горела земля и металл.
Но был приказ: «Ни шагу назад!»
И солдат стоял, как кристалл.
Пылала в Волге вода,
Воздух напичкан гарью.
Все силы бросила страна,
Отстоять город Сталина.
Город весь пылал,
Не пройти, не проползти.
Но город жил, город дышал,
И врагу в него не войти.
Сто двадцать дней подряд
Рвали его и жгли.
Он опять вставал, посылал снаряд,
Бойцы в рукопашную шли...
На Мамаевом Кургане тишина,
На кургане солдаты спят.
Приехала старушка мать,
Сына проведать опять.
У нее была надежда одна,
Он один был в семье.
Потеряла здоровье она,
Сын похоронен в земле.
Над ним памятник стоит –
«Родина – мать зовет».
Траурная музыка звучит,
Молодежь на подвиги ведет.

НАТО

НАТО окружает нас черным кольцом,
Глазами локаторов смотрят кругом.
Тянут костлявые руки свои
К богатству нашей земли.
Чтоб головы вражки ударом снести,
Чтоб бандетизм всюду смести,
Во все оружия готовы в поход,
Будь на чеку, российский народ!

НАЧАЛО ВОЙНЫ

Двадцать второго июня,
Утром, в четыре часа.
Города наши бомбили,
Так начиналась война.
Волна за волной
Надвигались враги.
В металл облачившись,
Шли немецкие полки.
Много пришлось пережить
В первые годы войны.
И нам пришлось отступить
До самой Волги реки.
Москву и Ленинград
Мы не отдали врагу.
Народ Ленинграда был рад,
Когда проложили дорогу по льду.
На рубежах весны четвертой,
В награду за года тревог.
В дыму и прахе распростертый
Берлин лежал у наших ног.

БЕЗЫМЯННЫЙ ЗАСЛОН

Мы в окружении две недели.
Мороз, траншеи, автомат...
Вокруг костра горбушки съели
Со мной десятка два солдат.
Никто из них не отступил,
И не поверил в безнадёгу.
И в мыслях подавив тревогу,
Я за врагом следил.
Рассвет. Гостей незванных жди.
Заснуть никто из нас не может.
А тишину лишь фриц тревожит
В двух километрах впереди.
Туман на землю опустился,
И инием окоп покрылся.
Но солнца луч сквозь тучи бьет,
И видим – враг уже идет.
Они идут неторопясь,
К окопам нашим приближаясь.
И с нашей верой не считаясь,
Упорством русских поражаясь.
Оружие все наготове,
В прицел за немцем я слежу.
Сейчас прольем мы море крови,
За землю матушку свою.
Все, что могло стрелять, стреляло,
Для нас неравный бой.
Небо дымом застилало,
А враг все шел и шел волной.
Нам суждено здесь смерть принять,
О нас родные не узнают.
Но лучше смерть, чем наблюдать,
Как враг отчизну разоряет.

В ход уже пошли гранаты,
Патронов больше нет.
Погибли храбрые солдаты,
Им было девятнадцать лет.

ПУЛЕМЕТ

Он здесь стоял, покинутый, ничей,
Уставив в небо старенькое рыло.
Его роса бесчисленных ночей
Кроваво-красной ржавчиной покрыла.
Над ним три дня седой кузнец Ермил
Возился в кузне, обливаясь потом.
Наладил части, ржавчину отмыл
И хвастался исправным пулеметом.
Он здесь стоял... с небом слит.
Вспоминал прошедших дней, ночей.
Он передан в музей, там стоит
Он теперь не страшен, он ничей.

НОЧНОЕ ВИДЕНИЕ

Хриплый придушенный стон
Заставил глаза открыть.
Ночной интересный сон.
Ночное видение нельзя забыть.
Рано, почти на заре,
Я оделся и сел за стол.
Начал читать о прошедшей поре,
Сочинение Горького «Мать».
Дверь открылась чьим-то ключом,
Мрак и тишина опять...
Я очутился с кем-то вдвоем,
С кем – я пытался узнать.
Он сел на свободный стул,
Тихий, как мертвец.
И только был слышен стук
Наших двоих сердец.
Потом, чтобы рассеять тишь,
Горький зажег свет.
– Илья, – спросил он, – ты не спишь?
– Максим, – сказал я, – нет.
– Я тебя каждый день читал,
Вот уже сколько лет.
Откуда ты? Какой вокзал,
Тебе продал билет?
– Не надо спрашивать у мертвецов,
Откуда они пришли.
Не все ли равно, в конце концов,
Для жителей Земли?
В разговорах мало толку,
Ты пиши свои стихи.
Я скажу, как пожилому,
О жизни, что видишь, – пиши.
Горький поднялся и зевнул,

Устало сомкнув глаза.
Потом просьбу свою
На ухо мне сказал: «Стихи пиши.
Ну, а теперь, прощай, мой друг,
Не нагоняй на себя тоски». Я
ошутил на пальцах рук
Холод его руки.

К ЮБИЛЕЮ

Мои годы не остановились.
Мне сегодня девяносто лет.
Много друзей явилось,
И открылся новый свет..
Обнимемся, мой старый друже!
Перед грядущим не опустим глаз,
Для врагов есть испытанное оружие,
Для бюрократов есть противогаз.
История нам не поставит двойки,
Мой юбилей почетный настает,
И я, прикованный к больничной койке,
Как сумасшедший закричал: «Вперед!»
Никто от боя не уединился,
Никто с поста ни разу не ушел.
После войны я женился,
С семьей в новую жизнь вошел.
Завидная судьба наша,
Праздник, чтоб от буден отличить,
Я пью с тобой, сын мой Саша,
Хотя врачи мне запретили пить.
Собрались наши дети вместе,
Какой гигант получился, Бог мой!
Прижмусь к жене, как к невесте,
Пришла идея выпить по второй.

ПОМИНАЛЬНЫЕ СВЕЧИ

Я сегодня зажгу поминальные свечи.
Неумело, впервые, за тех помолюсь,
Кто сложил свои головы в битве известной
За родную свою православную Русь.
На вселенских просторах святые могилы
Наших предков, отцов и сынов.
Пусть хранит их покой Серафим у могилы,
Покаяние наше и наша любовь.
Поклонюсь образам перед памятью павших,
Оставаясь всегда в неоплатном долгу.
Перед Матерью Божьей по душам скорбящих,
Поминальные свечи сегодня зажгу.

ПРОХОРОВО ПОЛЕ

Зори встают над Ворсклой,
Будит нас земля.
Это не край заморский,
Это Прохоровые поля.
Светом берез, как песней,
Запомнится месяц май.
Как ты нам дорог с детства,
Наш Белгородский край.
Нас огнем и сталью
Век испытал в боях,
Чтобы на пьедесталах
Танки стояли в веках.
Мы ведь не зря под Курском
Дали отпор врагу,
Чтобы развернуть по-русски
Огненную дугу.
Зори над Ворсклой тают,
Трактора идут в поля.
В мире одна такая
Прохорова земля.
Быть ей с годами крепче,
Гордо идти в перед.
Подвиг солдат навечно,
В наших сердцах живет.

Я К ВАМ ВЕРНУСЬ

Мы все когда-нибудь уйдем,
Останутся закаты.
Трава, прибитая дождем,
И облака из ваты.
Кружиться будет карусель,
Осенних листопадов
Заснет апрельская капель,
Зима сменит наряды.
И я опять сюда вернусь,
Травинкой иль сосною.
А может, в воде покачнусь
Ракитой над рекою.
А может, я увижу свет
Глазами незабудок...
Я не исчезну напрочь, нет –
Я все равно здесь буду!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Возвращение.....	7
Справедливость.....	17
Беглец.....	45
Белогвардеец.....	63
Огонь на меня.....	74
Я связной.....	75
Снегопад.....	76
Железная свадьба.....	77
Разговор.....	78
Нижневартовск.....	78
Русский народ.....	79
Поздравление.....	79
Сердце.....	80
К Дню пожилых.....	81
Мамаев Курган.....	82
НАТО.....	83
Начало войны.....	83
Безымянный заслон.....	84
Пулемет.....	85
Ночное видение.....	86
К юбилею.....	87
Поминальные свечи.....	88
Пороховое поле.....	89
Я к вам вернусь.....	90

Илья Николаевич Полещук

Возмездие

(столетнему юбилею ВЧК посвящается)

Сдано в набор 25.05.2017 г. Подписано в печать 04.06.2017 г.
Формат 44x60/16. Усл. печ. л. 6,13.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная.
Заказ 40/172. Тираж 100 экз.

**Муниципальное унитарное полиграфическое предприятие
«Издательство Приобье» Нижневартковского района.
628614, Тюменская обл., г. Нижневартовск,
п. Дивный, ул. 13, д. 24 А.**